

ФОНД
ПРЕЗИДЕНТСКИХ
ГРАНТОВ

ФОНД
ТИМЧЕНКО

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД
ЕЛЕНА И ГЕННАДИЯ
ТИМЧЕНКО

Фонд-оператор президентских грантов по развитию гражданского общества
Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко
Отдел культуры и молодежной политики Администрации муниципального образования
«Глазовский район»
Муниципальное учреждение культуры «Глазовская районная централизованная
библиотечная система»
Городская общественная организация «Краеведческий клуб» г.Глазова
Удмуртской Республики
Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Центр культуры и туризма
Глазовского района»

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Моя малая Родина: Воршуды ДондыДора

ПРОЕКТ
ВОЗРОЖДЕНИЕ РОДОВЫХ ИСТОКОВ УДМУРТОВ
«ВОРШУДЫ ДОНДЫДОРА»

ГЛАЗОВ, 2018

Фонд-оператор президентских грантов по развитию гражданского общества
Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко
Отдел культуры и молодежной политики Администрации муниципального образования
«Глазовский район»
Муниципальное учреждение культуры «Глазовская районная централизованная
библиотечная система»
Городская общественная организация «Краеведческий клуб» г.Глазова
Удмуртской Республики
Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Центр культуры и туризма
Глазовского района»

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Моя малая Родина: Воршуды ДондыДора

ПРОЕКТ
ВОЗРОЖДЕНИЕ РОДОВЫХ ИСТОКОВ УДМУРТОВ
«ВОРШУДЫ ДОНДЫДОРА»

ГЛАЗОВ, 2018

Издание осуществлено
при финансовой поддержке Фонда - оператора
президентских грантов по развитию гражданского общества

Когда-то феномен воршуда пронизывал все стороны жизни каждого удмурта, в настоящее время он практически исчез. Благодаря проекту возрождения родовых истоков удмуртов «Воршуды ДондыДора», в 2017 году ставшего победителем II конкурса грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, удалось вернуть интерес общества к воршудам. Проект был написан Глазовской общественной организацией «Краеведческий клуб» г. Глазова совместно с МУК «Центр культуры и туризма Глазовского района». Главная идея: исследование понятия воршуд и многообразие его проявлений в современных реалиях, сохранение и развитие уникальных родовых традиций, обрядов, форм хозяйствования, даже особенностей говора каждой воршудно-родовой группы удмуртов.

Сборник статей достаточно известных в области истории и этнографии учёных, а также начинающих исследователей, выпущенный по материалам научно-практической конференции «Моя малая Родина: Воршуды ДондыДора», 17.04.2018 года, отражает эту воршудную тематику, и этим уникален в своём роде. Информация предназначена для широкого круга читателей.

Материалы научно-практической конференции «Моя малая родина: воршуды ДондыДора» [Текст]– Глазов, 2018. – 97 с.

Уважаемые читатели, земляки!

Перед вами сборник статей, авторы которых впервые для настоящего времени попытались по-новому взглянуть с позиции учёного и простого обывателя на феномен воршуда.

Ещё в начале XX в. известный исследователь М.Г. Худяков писал, что история народности слагается из истории отдельных родов, и изучение последних дает возможность проследить судьбы вотского народа, восходящие к отдаленным временам дорусской и добулгарской эпохи. (Худяков 1920: 13-14). Так уж распорядилась судьба, что среди финно-угорских народов только у удмуртов сохранились реликты родовых делений, восходящих к глубочайшей древности. В 30-е гг. XX в. на севере Удмуртии бытовало ещё представление о своей принадлежности к определённом роду. В него не вкладывалось никакого социального содержания, но при этом понимание культового значения такой родовой принадлежности хорошо сохранялось.

Что же такое воршуд?

Воршуд – семейно-родовое божество, хранитель рода.

Воршуд – легендарный предок рода.

Воршуд – образ; предмет, олицетворяющий божество, идол божества.

Воршуд – род, объединение кровных родственников.

Воршуд, воршудный знак – отличительный знак рода, «пус».

Воршуд, воршудный короб – место обитания божества и место хранения ритуальных предметов.

По определению М.Г. Атаманова, воршуды – сложное историческое образование, динамическая система представлений удмуртов, отражающая практически все стороны бытия удмуртского общества на различных этапах его развития, начиная с эпохи тотемизма и вплоть до исторически примыкающего к нам времени. С изменением социально-экономических отношений изменялась и сущность воршуда. Постепенно он превратился в социально-культовое объединение, сохраняя своё значение лишь в религиозной обрядности (Атаманов 2001: 6).

Около 70 молений в год, посвященные воршуду, совершались удмуртами в особых помещениях - куале (куа). Исчезновению традиций, также как характерных антропонимов у женщин, способствовала Великая Отечественная война и последовавшие за ней перемены в обществе: 1) во время войны погибла большая часть населения – хранителей и держателей традиционной культуры; 2) увеличилась миграция; 3) исчезла традиционная сельская община, общество с общинно-родовым укладом.

В настоящее время исчезла внешняя отличительная особенность удмуртского общества, которая делала её уникальной. Удмурт, являясь частью остального мира, в недавнем прошлом был самодостаточен (своеобразная культура, язык, духовность, особые представления об окружающем мире). При этом на достаточно большом массиве исследований, проведённых автором, выяснилось, что некоторые особенности поведения продолжают передаваться по наследству: выбор «шагов», действий в определённой ситуации. Знание своей культуры, истории помогает легко приспосабливаться к новым условиям, продолжая гордиться своим происхождением, народом. Поиск своих воршудов - есть восстановление истории своих родственных связей, углубление родословной вглубь веков.

Напоследок приведу слова шотландского исследователя: «Удмурты, как и марийцы, народ финно-угорской группы, судьба их во многом напоминает судьбу соседей. ... Но если марийцы боролись против угнетателей и отстаивали свою веру, то удмурты... не боролись. ... В наши дни удмурты – меньшинство даже в собственной стране... Они обречены на растворение в массе русских и в их культуре. В деревнях на удмуртском языке ещё говорят, но почти не пишут. Доля городского населения, однако, постоянно увеличивается. Для многих удмуртов процесс ассимиляции уже завершён. Они потеряли и язык, и культуру. Эти люди превратились в собственных призраков. ...В обмен на лучшую жизнь – работа, образование – они отказываются от самих себя. Такова цена, такова плата. И они все более охотно на неё соглашаются» (Даниэл Кальдер Заблудившийся космонавт: Заметки антитуриста.- СПб.: Амфора, 2007).

Это взгляд со стороны. Необходимо всё сделать, чтобы предсказание иностранца не сбылось.

С уважением, А.В. Баженова,
председатель ГОО «Краеведческий клуб» города Глазов
17.04.2018 г.

*Волкова Л.А.,
канд. ист. наук, доцент,
заведующая отделом истории
МБУК «Глазовский краеведческий музей»*

Историография темы «воршуд» в удмуртологии

Изучение темы «воршуд» в традиционной этнической культуре удмуртов насчитывает более 120 лет (с середины XVIII века).

Самый активный период интереса к теме происходил в конце XIX – начале XX века. В досоветский период в основном это были исследователи, интересующиеся этнографией, фольклором и этнической историей народа в комплексе, не разделяя и не выделяя узкоконкретные темы. Эти работы имели, прежде всего, просветительский характер (Б. Гаврилов, М. Бух, В. Кошурников, Г. Потанин, Н. Первухин, П. Богаевский, Г. Верещагин, И. Смирнов, Н. Тезяков, Н. Блинов, В. Харузина, И. Васильев, У. Хольмберг, А. Хямляйнен, А. Емельянов, П. Сорокин).

Первый эскиз инспектора народных училищ Глазовского уезда Н.Г. Первухина «Древняя религия вотяков по её следам в современных преданиях» из пяти выпусков знаменитого труда «Эскизы преданий инородцев Глазовского уезда» является своеобразной энциклопедией в изучении института воршуда. Он был первым, кто обратил самое серьезное внимание изучению его места в структуре удмуртского этноса и, кажется, первым зафиксировал на территории только Глазовского уезда следы 50 воршудов. Более того, он высказал предположение, ссылаясь на мнение священника с. Балезинского о. И. Утробина, что в ареале компактного проживания удмуртов их гораздо больше, вероятно – 70 наименований. Во всяком случае, именно этот источник используется современными авторами, как для подтверждения теоретических положений, так и для критики теории воршуда, созданной классической удмуртской этнографией. Кстати, современные исследователи также активно работали и работают с трудами статистика Вятской губернской земской управы П.М. Сорокина, которые хранятся в архиве Кировской области (ГАКО). Одна из рукописей опубликована коллективом авторов в журнале «Иднакар» в 2007 г. В этой рукописи Сорокин приводит перечень из 69 воршудных наименований. При этом некоторые названия приводит в нескольких вариантах, что увеличивает число воршудов до 88. Не останавливаясь на характеристике этих наименований, отметим лишь, что список Первухина им существенно дополнен.

Другую рукопись Сорокина «О материнстве как основе рода о родовых названиях и знаках собственности у вотяков» в журнале «Иднакар» опубликовал с большой развернутой статьёй и комментариями В.С. Чуракова.

Обе работы П.М. Сорокина представляют собой не просто изучение воршудов, а серьёзную полемику с Н.Г. Первухиным. По мнению публикаторов, исследования автора опровергают «безосновательные рассуждения о былом существовании материнского рода и о происхождении от него воршудно-родовой организации удмуртов».

В первой половине XX века в советской историографии появились работы М. Худякова, П. Луппова, М. Косвена, В. Налимова, В. Максимов, Д. Зеленина, Д. Трефилова. Они призваны были отразить сложное своеобразие этнической истории и этнической культуры удмуртского народа. По этой причине авторские работы также носят комплексный характер. Тема воршуда в них не является ведущей.

В конце XX – начале XXI века интерес к институту воршуда возрос. Его изучают историки, этнографы, лингвисты (С. Бушмакин, Г. Архипов, Т. Тепляшина, К. Козлова, В. Владыкин, М. Атаманов, В. Кельмаков, Т. Владыкина, Л. Кириллова, Г. Шкляев, Н. Шутова, Л. Волкова, Ю. Александров, Р. Садиков, А. Баженова, В. Чураков и др.

В советской классической удмуртской этнографии особенно активно занимался изучением воршудов и их расселения на территории проживания удмуртов доктор филологических наук, референт Ижевского епархиального управления М.Г. Атаманов. Помимо теоретических исследований им проводилась большая работа по популяризации института воршуда выступлениями в средствах массовой информации, изданием книг краеведческого характера. Своего рода комплексное изложение видения проблематики воршуда М.Г. Атаманов предложил в монографии «Происхождение удмуртского народа».

В.Е. Владыкин, доктор исторических наук, впервые в советской этнографии предложил основные этнографические положения о воршуде, как структурном компоненте этноса и разных религиозно-мифологических комплексах.

Он справедливо отметил, что в Волго-Уральском регионе «подобный религиозно-мифологический институт в исторически недавнее время функционировал и зафиксирован исследователями с такой относительной полнотой и целостностью только у удмуртов». А чувашский йерех, марийский кудо-вадыш и культ онгонов у сибирских народов имеют с воршудом лишь некоторые аналогии.

Конкретизируется данное положение в коллективной монографии «Удмурты», в которой воршудом называется «сложное историческое образование, включавшее в себя следующие элементы: 1) семейно-родовое божество, хранитель счастья и благополучия членов семьи и рода; 2) экзогамное объединение родственников, имеющих одного духа-покровителя; 3) конкретное зоо- или антропоморфное изображение божества – идол; 4) лубяной или берестяной короб, в котором хранились символические части жертвоприношений; 5) металлические пластинки с изображениями (дэмдор/дэндор), служившие амулетами, оберегами; их носили женщины (в некоторых местах – главы семей) на груди».

Рассматривая воршуд, как структурный компонент этноса, советские ученые называют его (вслед за Н. Первухиным и И. Смирновым) объединением по материнской линии. Воршуд здесь представляется тотемистическим предком каждого рода со своим именем. М.Г. Атаманов перечисляет 67 воршудных наименований: Апья, Бигра, Бия, Болма, Бёдя, Бёня, Вамья, Вортча, Венья, Дёкья, Дурга, Жикья, Занка, Затча, Зезья, Зумья, Имьес, Какся, Кибья, Конья, Кёпка, Кётья, Куака, Куарса, Кушья, Лекма, Лёзя, Маля, Можга, Мёнья, Нёрья, Нылга, Омга, Паляка, Пельга, Поколь, Поска, Пёбья, Пудга, Пурга, Пышья, Салья, Съёлта, Съёма, Сюра, Сянья, Ташья, Тукля, Турья, Узя, Удя, Уля, Урга, Уча, Чабья, Чага, Чипья, Чола, Чудна, Чудья, Чуйя, Чунча, Эбга, Эгра, Юбера, Юра, Юська. При этом он не причисляет к воршудному имени Чура, Шудья, Ятча, видимо, считая их производными соответственно – от Сюра, Чудья и Затча. Также нет упоминания названия Пупья, Булда, Сурма.

На территории расселения удмуртов издревле наблюдается групповая локализация тех или иных воршудных групп. Они сохранились в топонимике. Самым ранним письменным упоминанием отворшудных топонимов в русской летописи является Указная грамота 1551 г. царя Ивана IV Грозного о запрещении «воевать и грабить» вятским старостам, «лутчим людям», целовальникам, всем крестьянам (имеются в виду русские крестьяне) и арским татарам удмуртов, живших в бассейне верхнего течения Чепцы и подвластных каринским татарам.

В грамоте зафиксированы: «вверху Чепцы реки вотяки обойнинчи и погренчи, и понниччи, и ворчинцы». Представляется, что они легко укладываются в воршудные наименования: Обойнинчи – Апья/Бёня; Погренчи – Порга/, Пурга; Понниччи – Пупья/Пёбья; Ворчинцы – Вортча и, возможно, представляют собой территориальные микроэтнические образования (землячества?).

По мере расселения таких образований расширялся, видоизменялся также воршудный религиозно-мифологический комплекс. Отсюда такое разнообразие, например, молений, связанных с культом предков. Наибольшее приближение имеет, кажется, обрядовое действие, связанное с переносом золы из семейной или родовой *куа* в новое культовое строение.

Особое место в изучении воршудной организации принадлежит семейно-родовым знакам собственности (*пус*). Здесь уместно вновь вспомнить труды Н.Г.Первухина. Он считал, что «в весьма далекое время» пус изображал знак воршуда. Пус, соответственно, изображался в древние времена на бронзовой или латунной пластинке, называемой дэмдор/дэндор. Возможно, изображения воршуда были выполнены в т.н. пермском зверином стиле или, как упоминает тот же автор, «большую часть носят на себе изображение всадника на коне». Эту пластинку женщины носили на одежде в качестве оберега (*ибывесь?*).

В современной историографии интерес к научной интерпретации концепции *воршуд* не утихает. И самым активным исследователем воршудной темы (и ниспровергателем классических представлений о воршуде) является историк В.С. Чураков. Он же предложил все проблемы, связанные с историей, этнографией, этимологией, семантикой термина воршуд называть воршудной теорией.

Современные достижения воршудной теории.

1. Дана подробнейшая историография исследования воршуда и связанных с ним понятий.

2. Критикуются такие положения предыдущих исследований:

Употребление термина воршуд в значении род;

Возведение воршудной организации к периоду матриархата;

О тотемистическом происхождении воршудных наименований.

3. В современной историографии наблюдается:

смещение исследовательских акцентов на религиозно-мифологическое значение понятия воршуд (дух и культ предка-покровителя рода).

Литература

Александров Ю.В. Обычное право удмуртов (XIX – XX вв.). – Ижевск, 2014. 272 с.

Атаманов М.Г. Удмуртская ономастика. – Ижевск, 1988. 168 с.

Атаманов М.Г. История Удмуртии в географических названиях. – Ижевск, 1997. 248 с.

Атаманов М. Г. По следам удмуртских воршудов. – Ижевск, 2001. 216 с.

Атаманов М.Г. От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов. – Ижевск, 2005. 216 с.

Атаманов-Эграпи М.Г. Происхождение удмуртского народа: Монография. – Ижевск, 2010. 576 с.

Белых С.К., Чураков В.С., Сахарных Д.М. Пётр Матвеевич Сорокин (1860 – 1895) (краткие биографические и библиографические сведения) // Иднакар: Методы историко-культурной реконструкции. 1 (1). 2007. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pyotr-matveevich-sorokin-o-rasselenii-udmurtskihi-rodov> (Дата обращения 24.03. 2018).

Владимир Чураков. Происхождение названий удмуртских родов. URL: <http://www.udmurt.info/library/churakov/rodov.htm> (Дата обращения 24.03. 2018).

Владимир Чураков. К критике воршудной теории. URL: <http://udmurt.info/library/churakov/vorkrit.htm> (Дата обращения 24.03. 2018).

Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. – Ижевск, 1094. 384 с.

Владыкин В.Е., Христолюбова Л.С. Удмурты: историко-этнографический очерк. – Ижевск, 2008. 248 с.

Первухин Н.Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз I. Древняя религия вотяков по её следам в современных преданиях. – Вятка, 1888. – 104 с.

Первухин Н.Г. Краткий очерк кладовищ, встречающихся в Глазовском уезде // Материалы по археологии восточных губерний России. Вып. II. – М., 1896. С. 161–174.

Удмурты: историко-этнографические очерки. Научный ред. В.В. Пименов. – Ижевск, 1993. 392 с.

Хрестоматия по истории Удмуртии в 2 томах. Том 1: Документы и материалы. 1136–1917. – Ижевск, 2007. С. 52. Док. № 24.

Чураков В.С. Петр Матвеевич Сорокин – исследователь родовой организации удмуртов // Иднакар: Методы историко-культурной реконструкции. 2 (19). 2014. URL:http://www.academia.edu/6390978/Петр_Матвеевич_Сорокин_-_исследователь_родовой_организации (Дата обращения 24.03. 2018).

*Слесарева М.Т.,
кандидат филологических наук,
доцент, фольклорист*

Ушедшие вверх по реке...

В мифологии удмуртов существует выражение «шур уллань» вниз по реке, куда отправляют умерших родственников, нечистую силу, всевозможных духов. В частности, с верхнего конца деревни в нижний по течению реки посещают родственников в дни поминовения, тогда как на пасху идут вверх по реке. В быличках при встрече с «Нюлэс кузё» духом леса в антропоморфном облике его отправляют «шур уллань» вниз по реке. В удмуртских деревнях Слободского района Кировской области зафиксировано выражение «шур выллань кошкемъёс» ушедшие вверх по реке, т.е. сородичи, ушедшие на восток вверх по рекам Вятка и Чепца в поисках лучшей жизни.

В 2007 г. группа студентов ГПИ им.В.Г.Короленко побывала в фольклорно-диалектологической экспедиции в Слободском районе Кировской области в местах компактного проживания удмуртов.

Центр удмуртской культуры находится в д. Гырдор (9 из 17 деревень этого поселения — удмуртские). Поколение сорокалетних и старше владеет родным языком и общается друг с другом на удмуртском. Часть молодежи понимает удмуртскую речь, но предпочитает общаться на русском языке. При знакомстве со слободскими удмуртами поражает мифологизм их мышления, вера во всевозможных мифологических существ и духов даже в среде мужчин среднего возраста.

Целью экспедиции не было исследование воршудно-родовой организации слободских удмуртов. Нам было важно сделать срез традиционной культуры и особенностей диалекта. Но мы обратили внимание на знакомые по северным районам Удмуртии топонимы. Нам рассказали об исчезнувшей деревне Побья, где проживали удмурты данной воршудно-родовой группы. Этимологию слова нам не смогли объяснить, но связали ее с воршудом. Несколькими годами раньше мы со студентами выезжали в село Побья (Пыбья) Балезинского района, название которого современные жители не связывали с воршудом. Нам удалось зафиксировать два пояснения топонима: имя первого поселенца и слово поп, ибо в селе была церковь. Информанты не смогли объяснить, откуда прибыли первые жители, тогда как слободские удмурты помнят об ушедших вверх по реке. Название данной группы распространено на всей территории проживания удмуртов.

М.Г.Атаманов этимологию слова считает неясной (Атаманов, с. 89). Если бalezинские удмурты потеряли связь со своими воршудами, слободские удмурты до сих пор помнят о своей принадлежности к той или иной воршудно-родовой группе и четко определяют отворшудные топонимы.

Жители д.Паскино продолжают называть ее Поска, но не помнят этимологию. М.Г.Атаманов связывает ее со словом «поськы» стриж, ласточка.

Жители д.Омсино называют свою деревню Чабья. Информаторы 70-80 лет помнят о местах жертвоприношений и о своем участии в них в детские годы. Они несколько раз пытались повторить обряд «вой кисьтон» выливание масла \ поминовение маслом под березой у ручейка. В специально отведенное место выливали масло, на березу привязывали нитки, ленты, в воду бросали монеты. На угасание традиции указывает то, что деньги потом собирают и несут в церковь. Пожилые люди объясняют, что пробраться на это капище через засеянное поле и заросшие луга почти невозможно. Жители д.Чабья знают, что это воршудно-родовое название и именно их деревня является наиболее древним поселением по сравнению с другими. М.Г.Атаманов считает воршудно-родовую группу Чабья второй по величине и выявляет ее следы в 91 населенном пункте на обширной территории (Атаманов, с. 113).

Старшее поколение нескольких деревень, в первую очередь жители д. Чабья, помнит место моления «*Иммала ветлон*» хождение к богам \ на божественную землю, где собиралась вся округа. Н.И.Шутова называет 23 поселения (Шутова, с. 34). Слободские удмурты считают, что это воршуд, но не могут объяснить, почему представители всех воршудно-родовых групп собирались для совместного моления. М.Г.Атаманов называет Имма-воршуд племенным божеством. «Главными распорядителями в этом молении были члены воршуда Чабья» (Атаманов, с.114).

В д. Круглово был зафиксирован случай моления утки с испрашиванием здоровья больному ребенку у Чола вожшуда в роще у родника недалеко от д. Чола (д.Круглово). Утку потрошили и вымыли в роднике, но готовили дома, а кости снова отнесли в рощу. Информатор объясняет, что здесь не до конца соблюдена традиция.

«По преданиям, члены воршуда Чола на нижнюю Чепцу прибыли с берегов Вятки; на месте Хлынова (Кирова) у удмуртов находилась своя крепость, и проходили моления в честь Имма-воршуда (Атаманов, с.117). Исследователь считает, что микроэтноним восходит к зоониму «сяла» рябчик (Атаманов, с. 119). Рябчик является одной из священных

птиц удмуртов. Крыло рябчика хранилось в куала наряду с другими священными предметами.

Воршудно-родовое деление помогало древним удмуртам в их самоидентификации, давало чувство сопричастности к большому роду и защите. Однако в определенные моменты истории оно не позволяло народу объединиться, замедлило появление государственности. Уход на новые земли постепенно стирал родовую память.

Литература

1. Атаманов М.Г. По следам удмуртских воршудов. Ижевск: Удмуртия, 2001.

2. Шутова Н.И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции. Опыт комплексного исследования. Ижевск, 2001

*Поздеева Т.К.,
краевед*

«Пусы» - воршудные знаки моих предков.

В удмуртской филологии существует сказание «О первой книге». В ней говорится о том, что «старики, умудренные жизнью, учили молодых доброму нраву, вековым обычаям, житейской мудрости, а молодые слушались и горя не знали. И был народ миролюбивый, благонравный и трудолюбивый» [3].

Однако, спустя какое-то время, пошли споры и раздоры между родами и другими народами. Однажды старейшины родов собрались и решили, чтобы не забыть всё окончательно, записать все правила и обычаи в одну книгу.

В ней пусами и тамгами изобразили, как порядок править, по каким законам жить. После того, как написали эту единственную книгу, люди стали реже собираться вместе, приносить жертву Инмару, реже угождать Кылдысину.

Тогда Инмар разгневался на стариков, что придумали книгу, и решил наказать людей и через Вукузё лишил их этой книги.

«Чтобы люди снова не написали такой книги, Инмар отнял у них знания всех пусов и тамг, которыми она была написана. Каждый человек теперь знал лишь одну родовую тамгу, один пус, которыми и помечал свою собственность, но, что они означают, этого он больше не помнил» [3]

Как нам известно, тему воршудов освещал в своих работах этнограф Н. Г. Первухин, что одинаковый пус по начертанию имеют

носящие одинаковую фамилию: Чирковы, Волковы, Главатских, Наговицыны и т.д. [4].

Думаю, что это объясняется тем, что при крещении в середине 18 века родовой клан (воршуд) принимали одну фамилию, поэтому жители одной деревни в конце 18 века и в начале 19 века имели в основном одну и ту же фамилию. Так, для деревни Чироковской (Котегово) соответствовала фамилия Волковы; для деревни Трубашур – Главатские, затем Главатских; для деревни Ягошур – Лекомцевы.

Со слов моей мамы, Волковой Капитолины Михайловны (1922 г.р.), уроженки деревни Котегово Бalezинского района, мне известно, что женщин, которые выходили замуж в другую деревню, называли «Дурга», но слово «воршуд» ей не знакомо, но она также помнит о том, что её маму называли «Апья». Моя бабушка родом из деревни Ягошур Бalezинского района – Лекомцева Парасковья Ивановна (1885 г.р.). Жители данной деревни в 19 веке носили фамилию «Лекомцевы».

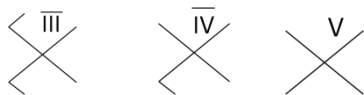
«По этнографическим описаниям в конце 18 – 19 веков пусы являлись личной печатью человека, знаком родовой принадлежности и своеобразным оберегом. Подобные значки наносились на борти, бирки, прикрепленные к шерсти и полотну при выделке и сдаче их на покраску» [1].

Пусы ставили также на брёвнах, заготавливаемых при строительстве. Мой папа передал моему брату пус при строительстве двора. Этот пус изображён следующим образом: IIIV. Мама до сих пор помнит пус своей семьи, несмотря на то, что прошло много лет с момента его использования. Этот пус представляет из себя «|| \».

Поскольку мои родители родом из одной деревни Котегово Бalezинского района, пусы по изображению сходны.

В исторических документах «Брачные обыски» имеются записи, где вместо подписи ставили бортовые пятна (пусы). Документ этот относится к 19 веку. Так, из деревни Верх-Люкской, свидетель Иван Волков ставит знак

Из деревни Чироковской свидетели Волковы оставляют следующие «бортовые пятна» :

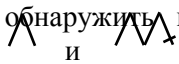

Если сравнить эти знаки, обнаруженные на восьми предметах при раскопках Иднакара, то мы находим много общего.

Основной пус воршуда «Дурга» видоизменённый дошёл до наших дней.

Каждая чёточка на пусе появлялась тогда, когда сын отделялся от основной семьи, имея самостоятельное хозяйство. Пусы передавались от отца к сыну, внуку и т.д. только по мужской линии, название воршуда сохраняла женщина, которая с пелёнок, с молоком матери передавала основные нравственные понятия, привила жизни, бытия.

Мой папа Волков К. Ф. (1913 г.р.) с гордостью говорил о том, что во время раскулачивания в 30-е годы из их деревни никого не выслали, хотя под раскулачивание попало несколько семей. И ещё он говорил, что с людьми нужно уметь ладить, жить дружно.

Несколько слов о бабушкином роде. Род «Апъя» поселился в деревне Ягошур Кестымской волости из деревни Кожило (там они поселились в свою очередь из-под Вятки)[1]. Много лет назад этот род обитал и обитает в Слободском уезде в деревне Городище Мухинской волости.

В архивных документах 19 века удалось обнаружить пусы воршуда «Апъя». Они выглядят следующим образом: и

Эти знаки наводят на высказывание Н. Г.Первухина о том, что встречаются в качестве пусов русские буквы: А, Е, ИИ, НК и т.д.[4]

Из всего перечисленного следует, что воршуды и пусы имели особую значимость для всего рода, они играли особую роль для передачи особых знаний из поколения в поколение.

Литература

- Арматынская О. В. Древние знаки собственности северных удмуртов. Материалы исследования городища Иднакар. Стр. 98-105
Брачные обыски. ЦГА УР ф 19 оп 1 д 8
Крамина Н. П. Мифы, легенды, сказки удмуртского народа. Удмуртия, 2015 г
Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Вятка. Губернская типография, 1888 г. Эскиз 1, стр38-45
Чураков В. Г. Расселения удмуртов. Исторические изучения удмуртских родов. Иднакар – научно-практический журнал, 2007 г. №1

Город Глазов по писцовым книгам XVII века: к вопросу о возрасте города

Сегодня вопрос о том, когда наш город появился на карте России, все еще остается открытым. Ответить на него в свое время попытался в своей статье «Из истории города Глазова» выдающийся глазовский учёный А.Г. Татаринцев. Александр Григорьевич, опираясь на книгу П.Н. Луппова «Удмурты в XV–XVII веках» и сопоставляя переписи 1615, 1629, 1646, 1662, 1678 годов, установил взаимосвязь между «деревней Бутаева, Слудка Красная то-ж», зафиксированной по переписи 1646 года, «починком Красная Слудка», учтенным в 1662 году, и «деревней Глазова за рекою Чепцею», упомянутой в 1678 году. Делая акцент на том, что жители деревни Глазова переселились из деревни Бутаева и починка Красная Слудка, автор предположил возможную дату заселения Глазова: 1669–1673 годы. Вслед за А.Г. Татаринцевым данная версия появилась во многих книгах и учебниках по истории Глазова. Конечно, все предположения, приведённые в статье, факты и расчёты автора очень убедительны и логичны. Но лишь только в том случае, если мы воспринимаем «деревню Глазова за рекою Чепцею» и «починок Красная Слудка» как два разных поселения.

В переписи 1662 года ни деревня Бутаева, ни деревня Глазова не упоминаются. Дворы удмуртов, ранее зарегистрированные в деревне Бутаева, а позднее, по переписи 1678 года появившиеся в деревне Глазова, не были отмечены переписчиками. Александр Григорьевич выдвигал предположение, что, возможно, починок, названный позднее деревней Глазова, уже существовал, но листы переписи частично были утрачены. Возможно и другое объяснение. В 1662 году перепись фиксировала вновь поставленные приставные дворы. Отмирающая деревня Бутаева ещё существовала, дворы из неё выезжали, а новые не появлялись, соответственно она и не была упомянута переписчиками.

В первую очередь необходимо отметить, что в 1678 году «деревню Глазова за рекою Чепцею» счетчики записали не иначе как «деревня». Статус починка в России в XVII–XVIII веках мог сохраняться за населенным пунктом не одно десятилетие. Так, например, в 1646 году впервые упомянут «**починок** Полом подле Богатырки речки». В 1678 году то же селение записано как «**починок** на Поломе».

Также можно привести в пример указанный переписью 1646 года «**починок** Сентовской подле Богатырки речки», в 1662 году «**починок** на речке Верхней Богатырке», а в 1678 году – «**починок** Верхняя Богатырка».

В данном случае можно определённо говорить о поселениях, не менявших своего исторического расположения и сохранявших статус починка как минимум 30–40 лет. Только после этого, спустя определенное время, населенный пункт приобретал статус деревни. Такая «иерархия» селений, зависящая напрямую от налогообложения, сохранялась и в XIX–XX веках. Таким образом, «деревня Глазова за рекою Чепцею» была образована не менее чем за двадцать-тридцать лет до переписи 1678 года.

Поднимая вопрос о возникновении города Глазова и заселении его выходцами из починка Красная Слудка, вряд ли кто задумывался, где стоял этот починок. А.Г. Татаринцев лишь расплывчато предполагал, что Глазов заселялся «из рядом находившегося починка». Переписчики XVII века довольно точно указывали местоположение населённых пунктов. Существовали обозначения – «на реке», «подле реки», «над рекою». Зачастую по переписи можно проследить направление и маршрут, по которому двигались счетчики. По переписи 1662 года их маршрут вполне узнаваем. Двигаясь по правому берегу р. Чепцы с запада на восток, они указали: «деревня подле Чепцу реку на Кошмане, деревня Жабинская подле Чепцу реку, деревня Красная Слудка подле Чепцу реку, деревня Богатырская подле Чепцу реку, починок на речке верхней Богатырке, починок Красная Слудка, починок над рекою Пызепом, деревня Заболотная» и далее. А.Г. Татаринцев писал, что в 1662 году «на том месте, где по переписи 1678 года указана деревня Глазова (т.е. между почином Верхняя Богатырка и деревней Солдырской), не отмечено ни деревни, ни починка ни под этим, ни под каким-либо другим названием». Однако как раз здесь отмечен «починок Красная Слудка». На правом берегу Чепцы после Верхней Богатырки по ходу движения переписчиков вплоть до Солдырской горы нет удобных мест для поселения, это низина, затапливаемая весной во время половодья. То есть починок «Красная Слудка» мог находиться только на левом берегу р. Чепцы.

На мой взгляд, вопрос возникновения «починка Красная Слудка» является ключевым в истории заселения «деревни Глазова за рекою Чепцею». Перепись 1662 года сообщает, что в починке Красная Слудка дворы поставили: 1. В 1657 году Андрюшка Терекон, сын Сасегов, отошёл от брата, у него дети: Будка, Келдышко, Шудешко, Килдибечко, Чупка, Фетка. 2. В 1659 году Кузешка Терекон, сын

Сасегов, отошёл от брата, у него дети: Токташко Сенка, Покчанко, Юлка, Алешка. 3. В 1659 году Балтачко Ахкузин, сын Ядычев, отошёл от брата, у него дети: Асылко, Чупка, Зенкелдейка. 4. В 1656 году Лучка Баженов, сын Токтамышев, у него дети: Терешка, Зянка, Байсеитко, Юберко, Сидорко. Нетрудно заметить, как писал А.Г. Татаринцев, что эти дворы соответствуют дворам в деревне Глазова по переписи 1678 года. Однако возникает вопрос, почему, поставив дворы в конце 50-х годов XVII века и просуществовав на этом месте максимум 10 лет, люди неожиданно снялись с насиженного места и переехали на новое?

В период становления поселенческой структуры на среднем течении р. Чепцы в XVII веке и оформления названий населенных пунктов, селения по разновременным переписям Каринской волости могли указываться под разными именами, и примеры тому не единичны. Так, переписью 1646 года была зафиксирована «деревня Лужаницы на ключу». Из этой деревни выделился «починок на Подборном на речке Мостовице», упомянутый в переписи 1662 года. В 1678 году «починок на Подборном на речке Мостовице» зафиксирован как «деревня Трибринская». Также можно указать «починок Сентовской подле Богатырки речки», впервые упомянутый в 1646 году. В 1662 году он учтён как «починок на речке верхней Богатырке», переписью 1678 года – «починок Верхняя Богатырка». В 1615 году встречается «починок Лызинской на реке на Чепце», а по переписи 1646 года (и далее) он назван «деревня Мосеева над Чепцою рекою» и т.д. Сопоставляя все факты, я делаю вывод, что «починок Красная Слудка» и «деревня Глазова за рекою Чепцею» являются одним и тем же поселением. Таким образом, можно назвать точную дату возникновения города Глазова – 1656 год.

Литература

А. Г. Татаринцев: Человек. Ученый. Педагог: биография отдельного лица // сост.: И. А. Татаринцева, Т. А. Шуклина, А. А. Шуклин. Глазов: ГГПИ, 2003.

П.Н. Луппов Удмурты в XV-XVII веках. Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1958.

Баженова А. В.,
председатель ГОО «Краеведческий клуб»,
г.Глазов

История потерянного воршуда Чага

М. Г. Атаманов в своей монографии «По следам удмуртских воршудов» (2001 г.) пишет: «На бытование в Глазовском уезде воршудно-родовой группы под таким названием указывал Н.Г.Первухин (1888: 39). Но никаких её следов обнаружить ныне не удалось. Этимология её также не известна» [1: 116; 3: 39].

В одной из экспедиционных выездов научно-исследовательского объединения «Весьякар» случайно при беседе с жителями деревни Заболотное мы узнали, что один из местных родов носил название Чагапи - «Сын Чаги». *Чага* могла быть женским именем, или родовым названием. Здесь необходимо вспомнить, что удмуртские женщины, выходя замуж, теряли своё имя.

Семья мужа и их соседи невестку называли по имени отца (Митрей ныл и т.п.), либо по названию деревни (Зудо, Полдарай и т.д.), либо названию рода – воршудного объединения (Кушъя, Чабъя, Чуйя и др.), часто с добавлением части *ныл*, т.е. Кушъя ныл, Чабъя ныл, Чуйя ныл. Нередко воршудное имя комбинировали с именем мужа: Митя Чуйя, Костя Пишъя, Сиволот Чудна... Таким образом, хранителем названия рода, особенностей традиций, памяти были женщины. Но исполнение культовых обрядов, имущественное наследование у удмуртов осуществлялось по мужской линии, т.е. принадлежность к воршуду передается по мужской линии, сообщает В.С.Чураков, ссылаясь на неопубликованные записи Петра Матвеевича Сорокина [5: 169]. Как правило, представителей мужского пола одного рода называли *пиос*, прибавляя название воршуда или основателя рода: Иванкопиос, Дядьпиос... В этом же ряду Чагапиос.

Из обнаруженного патронима Чагапиос следует, что потомки воршуда Чага жили в Заболотном, причём род не вымер, продолжает жить в окрестностях города Глазов, возможно и в самом Глазове.

Наряду с Чагапи, в окрестностях города нами также был обнаружен топоним Чагыр, т.е. «голубой». Так называли исчезнувшую деревню. Название деревни очень странное, с подобными «цветовыми» названиями в округе нам встречаться никогда не приходилось. Поэтому естественным было предположение, что название сложносоставное: *Чага + ор*, (о с точками), то есть «русло Чаги», точнее «река Чага»,

или «река рода Чага». Но где могла такая река находиться? Начались годы поиска. Неожиданно помогла свекровь Галина Васильевна Баженова, в девичестве Захарова, с 1929 г.р., удмуртка, уроженка д. Сыги. Она сообщила, что Чагыры жили в Сыге, являлись их соседями. Из этого случайного разговора, выяснилось, что один из них муж моей двоюродной сестры. Подивившись, как же мир тесен, продолжила поиски.

Наша соседка по дому Любовь Семёновна Солодянкина, в девичестве Поздеева, удмуртка, с 1935 г.р., бывшая жительница д. Сыги, также подтвердила, что в Сыге жили и живут Чагыры. Она достаточно подробно охарактеризовала их, рассказала историю семьи Афанасьевых - Чагыров. Сама она уроженка Верхней Чуры, с некоторым сомнением сообщила, что представители рода Чагыр также жили и в Нижней Чуре.

Бывший районный архитектор, краевед Азат Харисович Галеев сообщил, что в Юкаменском районе есть деревня Чагыр. Оказалось, что уроженкой этой деревни является Нина Александровна Вершинина, в настоящее время директор СОШ № 17 города Глазова. Она объяснила, что Чагыр – неофициальное название деревни Гулёкшур. Населяют деревню бесермяне. По этому поводу знакомые бесермяне и удмурты в один голос сообщали, что эти две народности (этноты) никогда не проживали совместно в одной деревне. Вероятно, деревню Чагыр основали удмурты, затем они переселились в другое место, а поселение заняли бесермяне. Возможно в этом причина двойного названия деревни, а также и в том, что первое название *Чагыр* практически в настоящее время исчезло.

22 – 26 декабря 1726 года по северу Удмуртии проехал немецкий исследователь Даниэль Готтлиб Мессершмидт, выполнявший задание Российской Академии Наук. В частности, именно в его записях впервые встречается самоназвание народа, проживавшего на причепецких территориях – *удмурты*. Он первым составил удмуртско-немецко-русский словарь, составил карту мест, где проезжал, с названиями географических объектов. 25.12.1726 года учёный проехал деревню Чёгинский Ям (д. Сыга, по *В.В.Напольских*) [2]. На своей карте-схеме Мессершмидт обозначил реку Tschoga (о с точками), Чёга по *В.В.Напольских* (р. Большая Сыга, или Сыгинка, *автор.*), левый приток р. Чепцы.

Глазовские краеведы решили повторить путь учёного и сделали двухдневный переход по четырём северным районам. После перехода краеведов сотрудники ЦБС Глазовского района выпустили брошюру «Удмуртский след Д. Г. Мессершмидта» с размещением копии

оригинальной карты учёного. При внимательном изучении записей и карты обнаружилось практически полное совпадение названий речки Сыги и воршуда Чага. Мессершмидт не знал удмуртского языка, поэтому максимально точно, доступными средствами записывал названия по звучанию. При этом тот, кто пусть даже немного, знаком с немецким и удмуртским языками, может сказать, что у языков есть несомненное фонетическое сходство.

Таким образом, похоже, благодаря Мессершмидту, до наших современников дошло оригинальное звучание названия реки Сыга, впоследствии искажённое под влиянием русскоязычной лексики: в русских, особенно в северных говорах звук *ч* нередко произносится твёрдо, например *Цецца* вместо *Чецца*, - искажение оригинального удмуртского *Чупчи*. Сравните название деревни в Ярском районе: русское *Цынья* вместо удмуртского ойконима *Чипья*, по карте *Чабья* [4].

Чагыр сформировался от *Чага*, а именно: *Чага* (с выпадением последней буквы *а*) + *ыр* (переход из *ор*, где *о* с двумя точками). То есть, река Сыга – это Чагыр, «река Чаги» с удм., диал., река воршуда Чага.

Такому умозаключению не противоречат сообщения сыгинцев. Афанасьевы (патроним Чагыр) жили в 20-м столетии на самой старой улице (официально ул. Калинина) на берегу р. Сыга в двух домах. Они являются коренными сыгинцами. Возможно, именно их предки стали основателями деревни. Так как вода в реке была очень чистая, её брали как для скота, так и для питья людям. Глава рода Николай Ефимович Афанасьев, с 1911 года рождения, воевал на русско-финской войне. После войны всю жизнь проработал на железной дороге. Из ближайших родственников у Николая Ефимовича были родная сестра Клавдия (работала на ЧМЗ) и сводная сестра Анфиса. Жена Екатерина Михайловна, урождённая Горбушина, в 1909 году родилась в д. Садовой, происходила из относительно крепкой, зажиточной семьи. Отец её имел большой сад и достаточно много сельскохозяйственных механизмов. Всё это в годы коллективизации было обобществлено, но высылки дед избежал. Не из его ли сада в усадьбу Афанасьевых была посажена очень вкусная и очень урожайная черёмуха с длинными кистями и крупными ягодами? Эту огромную, ежегодно обильно плодоносящую черёмуху пришлось срубить, когда Слава Афанасьев решил на месте старой усадьбы поставить новый дом.

У Афанасьевых было 7 детей (один из сыновей умер в раннем детстве): Алевтина (Тина) с 1932 г.р., Елизавета (Лиза) с 1935 г.р., Михаил (Миша) с 1938 г.р., Леонид (умер), Леонид (Лёня) с 1947 г.р., Геннадий

(Гена) с 1951 г.р., Вячеслав (Слава) с 1953 г.р.. Все они крепкие, не очень высокие, но широкоплечие – «батырского» сложения. Кареглазые, черноволосые, с густыми чёрными бровями. С широким скуластым, очень выразительным лицом, не лишённым своеобразной красоты. К слову, под это описание подходят многие жители Сыги, в том числе и из других фамилий (Захаровы, Солодянкины). Леонид Николаевич с некоторой гордостью рассказывает: «Когда молодые Чагыры появлялись вместе на улице, вся деревня притихала – хозяева идут!» Причина была в том, что среди молодёжи были популярны бои «улица на улицу», когда молодые парни и подростки одной улицы шли на приступ другой улицы. Это не была банальная драка, а бой по всем правилам. Кстати, после битвы шли в одну школу, в кино, летом вместе работали в колхозе «Азьлань» и на полях сортоиспытательного участка.

Леонид Николаевич рассказывает: за домом рода Лепиос была невысокая возвышенность Лепигурезь. Здесь на берегу Сыги заканчивалась современная улица Калинина, называлась Калининская сторона (Калининпал), где жили Чагыры. Несколько в отдалении располагалась значительно более высокая и обрывистая возвышенность Бородингурезь, т.к. она была за огородом рода Бородиных. Туда выходила улица Ворошилова, и сторона называлась Ворошиловская (Ворошиловпал). На этом месте ежегодно устраивались бои между «ворошиловскими» и «калининскими». «Как в игре «Зарница!»», - резюмировала я. На что Леонид Николаевич серьёзно возразил: «Это когда камнями-то кидаются!»». И все-таки были правила, которые никогда не нарушались. Во-первых, «ворошиловские» всегда были сверху и защищались, а «калининские» атаквали. Камни готовили заранее, в этом помогали и девчонки. Во-вторых, бились честно, хотя разного рода хитрости допускались. Вражда после «битвы», в целом, прекращалась.

Не являются ли такие устойчивые «игры» своеобразной реконструкцией каких-то исторических событий между потомками может быть реальных родов? ...Вероятно, такие игры-состязания помогали выковать определённый характер. Так все Афанасьевы очень дружные, всегда готовы прийти другим на выручку. При любой беде приходят на помощь, иногда даже в ущерб себе. Они прекрасные организаторы и руководители, которым доверяют в народе. Возможно, поэтому они прошли школу комсомольских вожakov, не раз их выбирали депутатами. Их умение договариваться с людьми использовало высшее начальство, назначая на посты между собой и трудящимися. Афанасьевых невозможно представить не работающими; любой труд для них почётен. И детей и внуков они воспитывают себе

под стать, да ещё и одарённых разными талантами от природы.

В заключение необходимо перечислить все патронимы (корканимъёс) деревни Сыга: Чагыръёс (2 дома), Трошаос, Байметъёс, Барабанъёс, Карлапиос (3-4 дома), Забавной (2 дома), Бодокъёс, Кырсанъёс (4 дома), Палиньёс, Багачъёс, Лепиос, Бородинъёс, Дядьпиос (1 дом). Основные фамилии: Солодянкин (наиболее часто встречаемая фамилия), Чупин, Афанасьев, Баженов, Захаров. Следует также добавить, что деревню не обошёл ни один процесс, характеризующий 20-й век. Необходимо указать в качестве особенностей - это близость к городу, влияние православной церкви, нахождение на Сибирском тракте, много разных переселенцев, что привело к раннему отказу жителей от удмуртских обычаев и обрядов, обрусение, формирование особенностей в говоре, исчезновение удмуртских топонимов, формирование множества неологизмов. И все-таки даже при таком беспрецедентном давлении среды жители продолжают помнить, что они удмурты, и гордятся своими родами. И среди них род Чагыр – потомки древнего воршуда Чага.

Литература

Атаманов М.Г. По следам удмуртских воршудов. – Ижевск: Удмуртия, 2001.

Напольских В.В. Удмуртские материалы Д.Г.Мессершмидта: Дневник, записи, декабрь 1726. : Удмуртский след Д.Г.Мессершмидта. Глазов, 2018 г.

Первухин Н.Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда Вятской губернии: в 5 эск. Вятка, 1888 – 1890. Э.1.

Удмурт элькунлэн мутусэз: Административной мутус: масштабез 1: 350000. – Екатеринбург, 2009.

Чураков В.С. Пётр Матвеевич Сорокин – исследователь родовой организации удмуртов. // Этническая история народов Удмуртии./ Иднакар: методы историко-культурной реконструкции № 2 (19). – 2014.

Следы удмуртских воршудов в окрестностях деревни Озёрки Ярского района

Деревня Озёрки Ярского района, стоящая на правом берегу реки Чепцы, на горе, впервые в документах упоминается в 1646 году. В «Ревизской сказке» за этот год упоминается удмуртская деревня Заозёрье, где насчитывается девять хозяйств. Одна из легенд об образовании деревни повествует об удмуртах, которым понравился холм посреди озёр и дремучего леса, светлый сосновый бор около речки Ягоршур с чистой прозрачной водой. Какое было первоначальное название поселения неизвестно, так как русское название Заозёрье удмуртское поселение явно получило от переписчиков. А спустя 32 года в документах переписи удмуртов, татар, бесермян Каринской волости Хлыновского уезда 1678 года в деревне Озёрки числится уже 15 дворов. Население – удмурты. По сведениям М.Г.Атаманова (1:113-116,117-119) в Озёрках проживают члены воршудно-родовых групп Чабья, Чола, Чудна, принадлежащих племени ватка. Крупные родовые группы удмуртов Чабья, Чола и немногочисленная воршудно-родовая группа Чудна прибыли на среднюю Чепцу из-под Вятки в 16-17 веке после карательных походов войск Ивана Грозного. Когда-то на месте бывшего губернского города Вятки (Хлынова) было древнеудмуртское укрепленное городище Ваткакар, или Кылнокар, внутри которого находилось общеплеменное святилище в честь племенного божества Имма-воршуда. Главными распорядителями в этом молении были члены воршуда Чабья. После захвата городища и сожжения святилища-куалы удмурты расселились по всей Вятской земле, но при этом каждая родовая группа с собой забрала пепел сожженной куалы. Вместо единого общеплеменного святилища образовалось два: 1) Губер-вось на реке Убыти, на территории современного Красногорского района, где собирались удмурты со всего Глазовского и других уездов; 2) Имма-вось возле деревни Чабья (Омсино), куда приходили удмурты Слободского уезда и других соседних привятских земель.

«Судя по историческим документам XVII века, из-под Вятки, Слободского, Шестакова шло переселение на среднюю и верхнюю Чепцу. Самыми многочисленными среди мигрантов оказались воршудно-родовые группы Чабья, Дурга, Чола, Кушья и некоторые другие...» - отмечает М.Г.Атаманов (1:114-115).

В деревне Озёрки самыми многочисленными жителями были представители рода Чабья. Иначе чем объяснить обилие топонимов, связанных с названием воршуда Чабья. В окрестностях Озёрок есть луг Чабырлуд и озеро Чабырты, протекают речки Чабыршур и Чапшур (Чабшур).

Жительница Озёрков Будина Варвара Александровна (переехала в деревню Озёрки из хутора Озёрки в 1968 году) вспоминает рассказ своей свекрови Поздеевой Анны Афанасьевны (родилась в деревне Кушман в 1905 году, вышла замуж в хутор Озёрки): «Свекровь рассказывала, что в лесу на правом берегу речки Инмашур (в 2-3 километрах от деревни Озёрки – прим. авт.), протекающей около хутора Озёрки, находилась поляна Инмакар (Иммакар?, удм. «кар» - гнездо, гнездо воршуда Инмы (Иммы?), или по-другому Ошписиённи, где жители деревни Озёрки проводили моления своему богу Инмару и приносили в жертву быка. А на левом берегу Инмашура, пониже от Инмакара, стоял небольшой сосновый лес, который жители называли Кереметом». «Я не раз видела поляну Инмакар, - продолжает Варвара Александровна, - когда жила на хуторе. Меня всегда удивляло то, что она никогда не зарастала лесом. А сейчас найти это место я затрудняюсь, так как тропинки, дороги туда заросли лесом».

Корепанова Надежда Аркадьевна (родилась в деревне Чабырово в 1964 году) вспоминает рассказ своей бабушки по материнской линии Даниловой (по девичьей фамилии Семакиной) Марии Николаевны (родилась в деревне Озёрки в 1889 году, вышла замуж в деревню Чабырово): «Бабушка рассказывала, что жители деревни Озёрки ходили молиться куда-то в лес (Ошписиённи) и там резали красного быка. А где это место, я не знаю, я тогда ребёнком была».

Такое количество совпадений не может быть случайным. Всё это говорит о том, что после разрушения племенного центра на реке Вятке, сожжения святилища представители воршуда Чабья были вынуждены уйти с родной земли и на другом месте восстановить святилище по образцу того древнего, что было на Вятке. Не случайно же все воршудно-родовые группы с собой взяли пепел родного очага и сожжённой куалы. И одно такое священное место, посвящённое племенному божеству Имма-воршуду, было, видимо, и у деревни Озёрки около речки Инмашур (Иммашур?).

Обращает на себя внимание и тотемное животное – красный бык, бычок – удм. *горд ош*, и окружающие святое место топонимы: Инмашур, Инмакар, Ошписиённи (место поедания быка), Керемет, Инматы, Инмавыр. Если поселенцы Инма (Имма?)-воршуду молились в Инмакаре, то, видимо, Кереметю (Луду) молились уже на левом берегу

Инмашура под соснами.

Также на правом берегу Инмашура, на открытой местности, между хутором Озёрки и деревней Озёрки находилась священная ель – Тыльёкыз (от удм. «тылы» - перо, «кыз» - ель, «ель с (подвешенными) перьями), куда жители деревни Озёрки приносили мешочки с подношениями и вместе с пёрышками подвешивали их на ветви дерева, обращаясь своими молитвами, просьбами к Инмару.

Вспоминает жительница Озёрок Семакина Евдокия Никифоровна (1930 г.р.): «Нам, детям, старожилы запрещали ходить около этой ели. «Лек со» («жестокое, злое это дерево» - *перев. авт.*) говорили они. Когда мы ходили за грибами в ту сторону, мы эту ель обходили стороной».

Во II половине XX века священная ель была срублена. Но вера в силу родового дерева продолжала жить в душах жителей деревни. Поэтому неудивительно, что таким деревом стала Бельгыкыз, одиноко растущая под Озёрками (удм. «бельгы» - мишень, «кыз» - ель). Теперь на ветках этой ели часто можно было увидеть подвязанные белые лоскутки с перьями птиц, закреплённые красными нитками. Сейчас уже нет и этой священной ели.

«Такие же почитаемые священные ели были у деревень Чабырово и Баяран. Я работала почтальоном и приходилось часто ездить по ближайшим деревням. Когда я проезжала или проходила мимо этих елей, мне становилось не по себе », - отмечает Корепанова Надежда Аркадьевна, жительница деревни Чабырово, 1964 г.р..

Вятский исследователь П. М. Сорокин в своей рукописи «О расселении удмуртских родов» пишет: «Старики этого рода (Чабья – *прим. авт.*) в деревне Сепыче Лудошурской волости Глазовского уезда, молясь, надевали на шею серебряный, с одной стороны позолоченный дэндор. В руку брали ветку берёзы летом, зимой же или еловую, или стояли без ветки». Из этих фактов следует, что ель у воршудной группы Чабья почиталась, была родовым деревом воршуда Чабья. До сих пор в деревне Озёрки бытуют фразеологизмы: «эбекъёс кыз йылэ тубо», «кыз йылын ошемын өвёл». «Эбекъёс кыз йылэ тубо» («лягушки лезут на ёлку») так говорят о людях, которые не просто хвастаются, а бахвалятся своими достижениями, зазнаются. Фразеологизм «кыз йылын ошемын өвёл» («на ели не повешено») говорит о непредсказуемости жизненного пути, судьбы человека.

В самой деревне Озёрки стояли семейные святилища – куалы. Вспоминает жительница Озёрок Кондратьева Клавдия Яковлевна 1946 г.р.: «Наша куала стояла недалеко от речки Ягошур на меже с соседями. Я саму куалу уже не помню, но помню, что очень часто в определённые

дни моя мать и знакомые женщины шли на место этой куалы с подношениями и молились. Пекли специальные блины из яиц – тетери, брали с собой ломоть хлеба с маслом, немного кумышки, медных монет. Позже отец решил увеличить место посадки картофеля и распахал священное место, хотя мать была против. И в это же время у меня нестерпимо заболели глаза. Мать очень долго ругала отца, считала, что из-за него семейный воршуд отвернулся от них, и дочь сильно заболела. Помню, такое же место почитали и соседи, живущие напротив нас. У них тоже самой куалы уже не было, но ее место долго берегли».

Члены другого воршуда Чола, как отмечает М.Г. Атаманов, также проживают в Озерках. «Это многочисленная, широко расселившаяся воршудно-родовая группа удмуртов, принадлежащая к племенному объединению ватка. Имеет два древних центра расселения: в бассейне р. Чепцы и на Арской земле. На территории калмезов у воршуда Чола никаких следов не выявлено». (1: 117) По преданиям, Чола на нижнюю Чепцу прибыли вместе с Чабья с берегов Вятки, и уже затем расселились по всему северу Удмуртии.

Как видим, история этих воршудов тесно переплетена и линии судеб развиваются параллельно. Топонимов, связанных с этим воршудом, около Озёрок не сохранилось. Но следы этого воршуда остались в окрестных деревнях. По воспоминаниям жительницы Озёрок Поздеевой Нины Арсентьевны (родилась в деревне Заризиль в 1957 году) около их деревни было поле – Чолалуд. А в Баяране до сих пор одна улица называется Чолапал.

А вот следы воршуда Чудна пока найти не удалось, хотя к воршуду Чудна относилась часть жителей деревни Озёрки и хутора Озёрки (1:119). Этот род, как отмечает М.Г.Атаманов, был немногочисленным среди северных удмуртов-ватка, селения которой располагались по притокам рек средней и верхней Чепцы.

Таким образом, 1) в деревне Озёрки проживают представители племени ватка из воршудно-родовых групп Чабья, Чола, Чудна. Большинство жителей деревни - из рода Чабья. Родовым деревом у воршуда Чабья является ель.

2) Можно сделать предположение, что воршуды Чабья и Чола, мигрировав на среднюю Чепцу, поселились в селениях родственных воршудов ватка (как, например, Чудна), постепенно ассимилировав их. Кстати, именно этим объясняется отсутствие в названиях топонимов воршудного имени Чудна.

3) Выявлено новое место общественного моления северных удмуртов, распорядителем которого является воршуд Чабья.

Располагается оно между деревней Озёрки и бывшим хутором Озёрки на берегу речки Инмашур.

Список респондентов

Будина Варвара Александровна, 1949 г.р., проживает в д. Озёрки, Ярского района. На пенсии.

Кондратьева Клавдия Яковлевна, 1946 г.р., проживает в д. Озёрки, Ярского района. На пенсии.

Корепанова Надежда Аркадьевна, 1964 г.р., проживает в д. Чабырово, Ярского района. Работает на почте.

Поздеева Нина Арсентьевна, 1957 г.р., проживает в д. Озёрки, Ярского района. Работает в библиотеке.

Семакина Евдокия Никифоровна, 1930 г.р., проживает в д. Озёрки, Ярского района. На пенсии.

Литература

1. Атаманов М.Г. По следам удмуртских воршудов. – Ижевск: Удмуртия, 2001.

2. Атаманов – Эграпи М.Г. Происхождение удмуртского народа.- Ижевск: Удмуртия, 2010.

3. Сорокин П.М. О расселении удмуртских родов. - Научно-практический журнал «Иднакар: Методы историко-культурной реконструкции» <http://idnakar.ru>

4. Материалы «Музея истории деревни Озёрки и школы» деревни Озёрки Ярского района Удмуртской Республики: «Азбука деревни Озёрки» альбом «Моя деревня»

*Кондратьев О.А.,
Хранитель фондов МБУК «Балезинский районный историко-
краеведческий музей
МО «Балезинский район»*

Христианство и язычество. Борьба религий на примере Балезинского района.

В настоящее время вопрос религии в обществе приобрел незаслуженно приоритетное место. В отсутствие четко сформулированной, непротиворечивой и направленной на перспективу базовой государственной идеологии пустующее место быстро заняли как традиционные религии, так и различные секты. «Борьба за умы и души» приобрела агрессивный характер.

На момент присоединения Северной Удмуртии к русскому государству верования удмуртов относились к классическому язычеству, включая все элементы: анимизм, тотемизм, шаманизм. Это обожествление и одушевление сил природы и даже отдельных природных объектов (священные рощи, даже отдельные деревья, и т.д.); священные тотемы – «воршуды» родов и племен; главенствующая роль шаманов в родовой иерархии.

Длительное время, порядка трех веков, государственная власть не обращала внимание на идеологическое обоснование своей власти в окраинных и «инородческих» регионах страны. Только с усилением центральной власти в XVIII веке империя приняла решение по унификации религиозно-идеологической структуры. И если борьба официальной православной церкви с католиками на западе, старообрядцами на севере и востоке, мусульманами на востоке и юге велась крайне осторожно и с небольшими успехами, то в отношении языческих верований христианская церковь была единодушна – язычество должно было быть уничтожено.

В целях скорейшей христианизации «инородцев» Прикамья в 1740 году указом Сената в Казани была учреждена «новокрещенская» контора, возглавившая миссионерскую деятельность среди язычников. Стали выделяться средства на строительство и содержание церквей.

На территории Балезинского района официальной Русской православной церкви было достаточно сложно действовать, фактически, «на три фронта»: кроме язычества, здесь были крепки позиции мусульман (чепецкие татары) и старообрядчества (русские переселенцы). Поэтому, помимо классического миссионерства с самого начала в обиход введена легендаризация миссионерства.

Так, в обиход была введена легенда о миссионерской деятельности в Каменном Заделье Святого Преподобного Трифона Вятского в конце XVI века. И хотя П.Н. Луппов еще в 1899 году аргументировано развенчал эту легенду [1], она оказалась живучей. В 1913 году в Каменном Заделье, на легендарном месте проповедования была построена церковь его имени [2].

Первые попытки христианского миссионерства наталкивались на яростное сопротивление шаманов и местного населения. Так, в 1745 году священник Ившин и архимандрит Сильвестр пытались проповедовать в удмуртских деревнях Глазовской и Бalezинской. При этом были биты местными жителями и сбежали после попытки сжечь их в доме [3]. Впрочем, возможно озлобление населения было вызвано не только насильственной христианизацией, но и мздоимством священника Ившина, о чем имеются челобитные [4].

Использование чисто репрессивных мер принуждения и проповедничество приносили лишь единичные результаты. Поэтому постепенно вводятся и поощрительные меры для новокрещенных. Так, в 1722 году Петр Великий дал распоряжение об отмене рекрутского набора для инородцев, принявших православие [5]. Позднее вводятся поощрительные единовременные денежные выплаты для окрестившихся, освобождение от налогов на 3 года и другие меры.

С одной стороны, эти меры вызвали значительное увеличение принявших православие. С другой стороны, крещение было чаще всего «поверхностным», чисто корыстным. Так, в селе Балезино церковь была открыта в 1747-1751 годах [6]. Уже через несколько лет, в 1756 году, Вятская провинциальная канцелярия отчитывается, что в Бalezинской стороне крещено 893 инородца, и оставшихся в язычестве нет, А еще через 2 года настоятель бalezинской церкви отчитывается, что в приходе «как при селе, так и при всех деревнях никаких суевериев не чинилось» [7]. Но не все было столь «гладко». Во многих документах упоминаются факты, что удмурты, крестившись, больше в церковь на службы не ходили, а продолжали справлять языческие обряды. А по истечении трех лет вновь проходили обряд крещения, чтобы получить освобождение от налогов.

Явление неисполнения православных обрядов в стране было столь массовым, что Синод «озаботился» законодательно закрепить уголовную ответственность за неисполнение церковных обрядов. Так, в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 года целый раздел, 80 статей, посвящен «преступлениям против веры» православной. Так, статья 218 прямо указывает массовость сохранения иноверческих обычаев новообращенными в православие [8].

В полной мере это касалось и жителей Балезинского района. Достаточно сказать, что даже в середине XX века во многих дворах удмуртов действовали семейные куалы.

Какие же методы борьбы с язычеством использовала РПЦ, помимо миссионерства, экономического подкупа и репрессий?

Одним из способов было разрушение «воршуда» - родоплеменных связей удмуртов, основанных на язычестве. При крещении взрослый человек получал новое, православное имя из «святцев» и новое отчество по фамилии священника – «Иванов», «Максимов» и другие. Фактически, это означало отрыв «новокрещена» от прежней семьи, рода; крещеный удмурт считался сыном не своего отца, а священника. А в 1888 году указом Сената фамилии становятся обязательными и для крестьян, причем фамилии давали русифицированные, под фактическим запретом оказались «воршудные», родовые и семейные прозвища.

Так, в переписях XVII – начала XVIII веков в госте-деревне-селе Балезино жители носят языческие имена – «Сизя Муин», «Лючка Серсегов» и другие [9]. А в «Книге вятских родов» В.А. Старостина в 1891 году в селе Балезино все 80 семей из 43 родов носят «русифицированные» фамилии и имена – Дмитриевы, Емельяновы, Калинины, Максимовы и другие [10].

Другим способом борьбы с воршудом фактически стала передача родоплеменных полномочий общине. Ранее распространенной была ситуация, когда жители одного населенного пункта, но принадлежавшие разным «воршудам», управлялись автономно, собственными старейшинами. Например, профессор Д.Г. Мессерштитт в 1726 году, проезжая через деревню Балезинскую, к самой деревне относил только один «конец», расположенный вдоль Соляного тракта – «Кушьяпал», основанный выходцами из воршуда Кушья. Другой «конец» деревни – «Санкопи» - фактически считался другой деревней (хотя формально и фактически это *один* населенный пункт). С основанием прихода, а затем созданием волости, все различия между «концами» села были ликвидированы. Все жители входят в единое сельское общество – общину.

Церковь широко использовала старый принцип «Не можешь прекратить безобразие – возглавь его». Само христианство полностью основано на языческих обрядах и праздниках, придав им иной смысл. Но и впоследствии христианство использовало языческие праздники в своих целях, придавая им новые вид и значение. Так, в повседневном быту фактически слились удмуртский языческий «день поминовения усопших» и православные «поминки».

Этому способствовало придание церковным датам статуса праздничных, выходных дней.

Церковь широко привлекала на свою сторону ранее презируемых торговцев. Не случайно местные ярмарки и торжки в селах приурочивались к церковным праздникам и проводились возле церкви. Так, первая ярмарка в селе Балезино была приурочена к дню Святых Петра и Павла. Вторая ярмарка была приурочена к Покрову. Первая ярмарка в селе Карсовой проходила в Троицын день, а вторая – в день «Введения во храм Пресвятой Богородицы». Ярмарки в селе Люк проводилась в Крещенские праздники [11]. Ярмарка в селе Юнда проходила в Михайлов день.

Еще одним методом стало «культурное проникновение». Ведение делопроизводства, преподавание в школах только на русском языке имело целью не только унификацию государства, но и религиозную составляющую. Не случайно ведение православных обрядов на удмуртском языке началось только после 1917 года, и то не повсеместно. Перевод и издание книг, учебников, азбук, словарей на удмуртском языке не получало поддержки власти и церкви, как части этой власти, и велось только немногими энтузиастами. Издание священником Н.Н. Блиновым азбуки «Лыдзон» в 1867 году встретило множество канцелярских и финансовых сложностей, а церковь считала его «неблагонадежным».

Кстати, в «борьбе за души» язычников православие в Балезинском районе встретило мощную конкуренцию со стороны ислама. Не случайно утерявшие собственные язык и культуру бесермяне раскололись. Юндинские бесермяне «обудмуртились», а гординские – «отатарились». Мусульманские муллы раньше озаботились образованием, в том числе и религиозным. В Кестыме муллы вели обучение детей вначале на дому, затем появились мусульманские начальные школы – медресе.

Сложности в миссионерской деятельности православные священники ощущали и в старообрядческих населенных пунктах. Старообрядцы жили замкнутыми общинами, справляли культ по старым, «дониконианским» книгам, которые хранились у старост и «причетниц».

Активное «наступление» христианства развернулось во второй половине XIX века. Значительно выросло число церквей и священников. В 1820 году в селе Балезино построен каменный храм вместо деревянной церкви. В 1844 году построена церковь в селе Карсовой, в 1847 году - в селе Люк, в 1861 году – в селе Сергино, в 1863 году – в селе Юнда.

В 1905 году началось строительство каменного храма, в 1864 году – в селе Ново-Волково (в 1911 году – каменный храм), в 1898 году – в селе Север, в 1899 году – в селе Турецкое, в 1900 году - в селе Пыбья, в 1907 году – в селе Чубой, в 1908 году – в селе Кирино, в 1909 – 1913 годах – в селе Каменное Заделье, в 1917 году – на станции Балезино [12].

Если в середине XVIII века в селе Балезино числился один священник, то в начале XX века в селе насчитывалось 5 священников [13]. Численность служителей культа росла быстрее, чем численность церквей.

Первичной подготовкой служащих культа занималась второклассная церковно-приходская школа в селе Балезино. В разные годы в ней училось около десятка будущих священников – настоятелей церквей, и еще большее число дьяконов, псаломщиков и иных церковных служителей. Для дальнейшего обучения служителей культа существовали Глазовское духовное училище, Вятская духовная семинария, Вятские миссионерские инородческие курсы, а так же православные учебные учреждения в Сарапуле, Казани.

В начале XX века даже в среде священников произошел раскол в вопросе дальнейшего развития православной церкви. Одним из самых массовых стало движение «обновленцев». Одним из наиболее известных деятелей церкви, примыкавших к «обновленцам», был уроженец села Ягошур (Юнда) Петр Федорович Леконцев.

Наш земляк с самых малых лет воспитывался в условиях невероятного смешения и взаимопроникновения народов, культур, религий. Особенно он воспринял песенную культуру этих народов, что оставило свой след в его дальнейшей деятельности. Он начал службу дьяков, затем был рукоположен в сан священника, был настоятелем ряда церквей.

В эти годы он активно занимается миссионерской, просветительской деятельностью – работает учителем в школе, переводит на удмуртский язык церковные службы и песнопения, активно использует в работе удмуртские народные песни, создает хор при школе, является членом уездной переводческой комиссии. Он стал ярким последователем дела удмуртских просветителей Иоанна Васильева и Григория Верещагина. Тогда же он стал сотрудничать с «двоеверами» - удмуртами, которые, приняв христианство, сохраняли и исполняли языческие обряды. Петр Федорович стремился совместить язычество и православие. В то же время, вероятно, стал заниматься и общественной деятельностью.

В 1916 году он состоял под следствием. После революции Петр

Федорович примкнул к «обновленцам». В своей деятельности он пытался «скрестить» советские идеи и теории, классическое православие и язычество. В июне 1918 года Петр Федорович, наравне с землячкой Анисией Николаевной Урасиновой, участвует в работе I Всероссийского съезда удмуртов в г. Елабуге. Но вскоре в его деятельности происходит резкий поворот. В августе-ноябре 1918 года Петр Федорович активно принимает участие в Ижевско-Воткинском восстании.

После подавления мятежа Петр Федорович возвращается как к церковной, так и просветительской и общественной деятельности. В 1919 году он открывает в селе Мултан вотскую учительскую семинарию, где стали готовить национальные учительские кадры с преподаванием на удмуртском языке. При этом продолжает сотрудничать с «обновленцами» и участвует в светских и церковных полемиках с консерваторами. И, как ни странно, коммунистические идеи не отвергает, несмотря на участие в мятеже.

Его реформаторская и общественная деятельность вызывает острое недовольство у церковной бюрократии. Так, епископ Сарапульский Алексей обвинял его в ереси, удмуртском сепаратизме и сотрудничестве с коммунистами, и запретил вести церковные службы. Патриарх Тихон при личной встрече так же не поддержал реформатора. Но Петр Федорович осмелился игнорировать распоряжение прямого начальства и продолжил вести службы и общественную и просветительскую деятельность. В светской и церковной прессе вышли несколько полемических публикаций, в том числе во всероссийском журнале «Революция и церковь» в 1922 году.

Авторитет священника среди удмуртов был настолько велик, что его в противостоянии с епископом поддержали не только прихожане, но жители других населенных пунктов, и удмурты, и русские. Не случайно впоследствии его выдвинули кандидатом на пост епископа Ижевского (Удмуртского). Если бы его избрали, то он бы стал первым в истории епископом-удмуртом. Но епископа выбирают не прихожане, а церковные бюрократы, и этот пост Петру Федоровичу не достался [14].

Идея «скрестить» православие, язычество и коммунистические идеи была популярна в послереволюционный период. Это яркий пример того, насколько крепок в удмуртах, даже крещеных, был языческий уклад. Но идейные противоречия с то время были весьма значительны, если даже «никонианцы» с «раскольниками» не могли найти «общего языка». Потому любая попытка синтетического объединения православия и язычества была обречена на провал.

В настоящее время вновь в обществе возникли попытки пропагандировать «языческие корни». В противовес чуждым для славян и финно-угров сектам и религиям «новые язычники» предлагают вернуться к славянскому пантеону. В Удмуртии в 1990-е годы активно пропагандировался культ Инмара. Но в Балезинском районе эти идеи не получили какого-либо значимого распространения.

В целом в современных условиях попытки осуществить возврат к прошлому бесполезен и бессмыслен. Как язычество, так и православие, ислам и иные религии не могут противостоять новым, более агрессивным и основанным на современных методах НЛП и психологической обработки сектам и псевдорелигиозным течениям.

Литература

1. Луппов П.Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. Ижевск. 1999. С.С.78-82.
2. Православные храмы Удмуртии. Справочник-указатель по документам Центрального государственного архива УР. Ижевск. 2017. С. 178.
3. Буня М.И. Глазов. Исторический очерк. Ижевск. 1980. С.С. 17-18.
4. Хрестоматия по истории Удмуртии. Том 1. Документы и материалы 1136-1917. Ижевск. 2007. С.С. 187-188.
5. Хрестоматия по истории Удмуртии. С. 153.
6. Шабалин В. Настольная книга о церквях и духовенстве Вятской епархии. Вятка. 1909.
7. Хрестоматия... С.С. 192-193.
8. Интернет-ресурс. [maxpark.com.>content/4817435](http://maxpark.com/content/4817435)
9. Луппов П.Н. Удмурты. Документы по истории Удмуртии XV-XVII веков. Ижевск. 1958. С. 186, С. 228.
10. Интернет-ресурс. godnaya-vyatka>Книга вятских родов>Реестр селений>Балезинское общество
11. Хрестоматия... С. 375, С. 514.
12. Православные храмы Удмуртии. С.С. 49, 121, 178, 183, 188, 193, 223, 258, 332-333, 362, 388, 405,
13. Шулятьев Д.Н. Зори над Чепшой. Ижевск. 1988. С. 145.
14. Кондратьев О.А. Еще одно забытое имя //»Вперед» № 16 от 7 марта 2017 г. С. 3.

Семейно-родовые имена д. Золотарёво

В деревне Золотарёво Глазовского района жители до сих пор обращаются друг к другу по названию семейных – родовых имен. К сожалению, в настоящее время носителей становится все меньше. Но по воспоминаниям респондентов в 20-30 годы 20 века носителей названия рода, семьи было намного больше («корка ним», «выжы ним»).

Например: На улице Сяеговской: Уллян, Ать Пи, Исак (2 хозяйства), Гави (2 хозяйства), Гаргы (3 хозяйства), Бобонь, Тарас, Курлой (2 хозяйства), Посьянь (3 хозяйства), Бозянь, Ать Педоръёс (2 хозяйства), Выльгурт, Пирожков, Матён, Мити, Ать Костя, Ать Ондрей, Онисим Валер, Онисим Олексан, Микольёс, Ондриан (русская семья, Булдаковы), Шабалин (2 хозяйства, русские).

На улице Советской: Камаш (5 хозяйств), Абатай (2 хозяйства), Еким, Оддо, Тоды, Бисар (2 хозяйства), Саламат, Горей, Тёми, Кузьма, Чуткин, Чечег (2 хозяйства), Абаз, Уллянди, Подвай, Келень, Бозган, Кортчал.

На улице Тюменской (Молодежной): Пиша (4 хозяйства), Тоды (2 хозяйства), Зуч (русское), Кортчал, Ляляк, Кион (3 хозяйства).

Объясним происхождение некоторых патронимов, опираясь на объяснения респондентов-старожилов и на «Словарь личных имен удмуртов» М.Г.Атаманова:

1. Бисар. Носители этого патронима объясняют его происхождение тем, что имя их предка было Виссарион. Но местные жители в своем кругу переделали его на Бисар из-за краткости и удобства произношения. По словарю М.Г. Атаманова имя «бисар» образовалось из двух тюркских слов «би» - князь, вельможа, господин и «сару» - обступать, окружать.

2. Выльгурт. Носители патронима объясняют его происхождение тем, что их прабабушка в начале прошлого века из д. Выльгурт (настоящее время - МО «Верхнебогатырское» Глазовского района) вышла замуж в д. Золотарево. Её звали Александра, по-удмуртски Сандыр, но чаще к ней обращались «Выльгурт», по удмуртской традиции по названию деревни, откуда она была родом.

Сандыр была знахаркой – «пелляськись». И те, кто к ней ходил лечиться, так и говорили: «Выльгуртне мынисько» - «Иду к Выльгурту». Со временем так стали обращаться ко всем членам семьи «выльгуртьёс».

3. Абатай. М.Г.Атаманов объясняет, что похожее имя «Атабай» образовалось из двух тюркских слов «Ата» - отец и «бай» - богач, богатый.

4. Абаз. Носители патронима объяснить его происхождение затрудняются. Но в словаре М.Г. Атаманова мы находим имя «Абас». Объясняется, что к удмуртам оно пришло из тюркских языков. В тюркские же – из арабского. По арабски «аббас» - это «суровый, воинственный». «Корка ним» Абаз также может происходить от слова «абыз». Так северные удмурты называют лекарей, знахарей, наряду с «пелляськись» и «туно».

5. Курлой. В 20-е – 30-е годы прошлого века в деревне было 2 хозяйства с таким патронимом. Патроним произошел от прозвища «курлой». В удмуртском языке «курлой» это мясное блюдо из баранины, которое готовится путём соления и следующего вяления рубца обычно бараньего желудка набитого кусочками мяса (в свою очередь происходит от слова «курлой» в значении «рубец», первый, самый большой отдел желудка жвачных животных).

6. Саламат. В деревне было одно хозяйство с таким патронимом. Патроним образован от названия кушанья из муки. «Саламат» - это варено из муки, которое приготавливалось в большой кастрюле или чугуне. В центр готового блюда в ямочку добавляли коровье масло. Ели с простоквашей, со свежими ягодами. Слово «саламат» тюркское по происхождению.

7. Кортчал. Предположение, что патроним был образован от удмуртского национального блюда овсяной кисель. В деревне в рассматриваемый период с таким патронимом было 2 хозяйства.

8. Чечег. В д. Золотарево в 20-е – 30-е годы прошлого века было 1 хозяйство с таким патронимом. В переводе на русский язык обозначает название птицы – трясогузка.

9. Кион. В тот же временной период в деревне было 3 хозяйства с таким патронимом. В переводе на русский язык обозначает название лесного зверя – волк.

10. Пужей. Одно хозяйство с таким патронимом было в д. Зуйкар, в 5 км от д. Золотарево. В переводе на русский язык обозначает название лесного животного – олень.

11. Оддо. В деревне было одно хозяйство с таким патронимом. Патроним произошел от христианского календарного имени Евдоким.

В д. Золотарево и окрестных деревнях в 1920-е -1970-е годы существовали также хозяйства со следующими семейно-родовыми именами: 12.Келень, 13.Бозган, 14.Пиша, 15.Ляляк, 16.Мираз, 17.Обруш, 18.Ямач, 19.Тулпи, 20.Бачал, 21.Токи, 22.Кельмегей.

23. Камаш. До Великой Отечественной войны в д.Золотарево было пять хозяйств с этим патронимом. У всех была фамилия Аккузины. Среди носителей этого семейно-родового имени сохранилась легенда, что их предки переселились в д.Золотарево из соседней д. Паслоково (в 2 км) и основали современную улицу Советскую (Зокульча). По словарю Атаманова «Камаш» это общетюркское имя, которое берет начало в арабском языке. По 1-ой версии «Камуш» произошло от арабского Камалутдин «совершенство веры». По 2-ой версии «Камашу» - «уствовать, усталость».

Фамилия Камашев, скорее всего, произошедшая от названия рода Камаш, является очень распространенной на территории Удмуртии.

К примеру, в д. Коршуново (МО «Понинское» Глазовского района) была улица, которая называлась «Камашуллапал», в честь первого жителя деревни по имени Камаш. Но эта улица полностью сгорела во время пожара в 1927(1928) году. Уцелел только один дом. После пожара несколько семей не стали строиться и уехали в Сибирь. (Из истории МО «Понинское») [1].

В 1925 году 4 семьи из деревни Паслоково МО «Понинское» из родов Камаш, Коро, Чушкам, Семон основали деревню Андреевка на территории Почашевского сельского совета. Деревня просуществовала до 1977 года.

В д. Золотарево две самые распространённые фамилии, это Золотаревы и Аккузины. По воспоминаниям старожилов, записанным в 90-ые годы прошлого века, на улице Сясеговской со стародавних времен проживали преимущественно Золотаревы, и они были в той или иной степени родственниками между собой. Большинство из них было из древнего рода Атьпиос. На сегодняшний день этимологию слова Атьпи невозможно четко интерпретировать. Предположительно «Ать» это древнее удмуртское языческое имя или же видоизмененное от северного удмуртского диалектного «атя» - тётя, а «пиос» - сыновья. Фамилия Золотарев впервые упоминается в переписи 1646 года. В книге П.Н. Луппова «Удмурты в 15-17 веках» читаем: «Удмурты, татары и бесермяне (чуваши) вятской земли по переписи 1646 года. Деревня Золотаревская на реке Пыжёвке. [2] «В/Отяк Митка Удегов сын с детьми – с сыном Зескою 15 лет, да с сыном Сешкой 10 лет, да с сыном Чупкою 7, да с сыном семейкой 4 лет, да с сыном Ивашкою 2 л, да с братом Баженком...»

Далее ещё следует перечисление семей удмуртов. В перепись включены только мужчины, подростки и дети мужского пола. Затем почти в конце переписи, после перечисления членов нескольких семей, читаем «Половники Ониметко Золотарёва». Здесь впервые встречаем фамилию Золотарёв.

В «Словаре личных имен удмуртов» М.Г. Атаманова находим имя Золотар, производной от которого, вероятно, стала фамилия Золотарёв. М.Атаманов замечает, что по переписям среди северных удмуртов имя «Золотар» впервые зафиксировано в 1652 году. Растолковывается, что это заимствованное русское некалендарное имя – «золотарь» - от древней профессии «золотарь» - золотых и серебряных дел мастер, ювелир. В соответствии с фонетикой удмуртского языка это имя было переделано удмуртами для удобства произношения без смягчения звука <р> -«золотар».

Таким образом, опираясь на данные опроса представителей семейно – родовых имен, на данные словаря М.Г. Атаманова, удалось растолковать историю происхождения некоторых семейно – родовых имен – «корка ним» жителей д. Золотарёво Глазовского района.

Литература

- 1.Из истории МО «Понинское»: Понинская библиотечная система МО «Понинское», Понино, 2010, с.9-10.)
- 2.П.Н. Луппов «Удмурты в 15-17 веках» М.1958. , стр. 210-211

История родного края в родословной моей семьи

Все мы изучали историю, но не всегда эта наука за сухими цифрами и фактами представлялась в живых картинках и в конкретных лицах. Когда я знаколюсь с историей родного края через судьбы моих предков, она становится и моей историей.

Мне всегда было интересно слушать воспоминания родных и близких о недавних событиях XX века, коллективизации, гражданской и Великой Отечественной войне; вглядывалась в фотографии, читала письма с фронта, - казалось, что с каждым человеком знакома лично, хорошо знаю каждого из них. У моего отца сохранилось свидетельство об образовании моего деда.

«Глазовский Уездный Училищный Совет сим удостоверяет, что сын крестьянина Вятской губернии Глазовского уезда Кестымской волости и общества починка Истишурского Никифор Кузьмич Волков, родившийся февраля 1-ого дня 1875 года успешно окончил курс учения в Нурызовском церковно-приходском училище, а потому имеет право на льготу, установленную пунктом 4-м статьи 56-й устава о воинской повинности. Выдано 1 октября 1886 года.

Председатель Совета, Инспектор народных училищ Глазовского уезда. Н. Первухин».

Подумать только, документу более 130 лет. А деду моему—11 лет. Значит это не дедушка с бородой со старой фотографии (он умер в 1944 году), а мальчик, который бегал босой по траве, и жил совсем рядом.

А как жили мои предки в XIX и XVIII веках, кем они были? Мои предки — удмуртские крестьяне и мне интересно знать об их жизни все. Где мои корни?

В «Истории Удмуртии»¹ нашла информацию со ссылкой на архивный документ РГАДА. «В своей челобитной от 1699 г. чепецкие удмурты Кестымской, Кожильской, Балезинской, Подгорновской и Мутницкой деревень писали: «В Чепецкой волости от Бахтыевы речки по Чепце вниз до Шуры речки, речка Выжошур, а от Выжошура до Кестыму, а от Кестыма до речки Коровая, а с Коровой и до Чепцы и по тем речкам с устья до верховей были наши отяцкие родовые места ... всякие лешие угодыя...».

В этих местах – родина моих предков, в селе Балезино родилась я, в Балезинской церкви крестились, венчались мои предки, здесь же их в Балезинской церкв и крестились, венчались мои предки, здесь же

их отпевали и хоронили на сельском кладбище.

Веду я поиск по 4-м направлениям. Родители отца Волкова Геннадия Никифоровича — Волковы Никифор Кузьмич и Дарья Евстафьевна и родители матери Юлии Алексеевны — Сысоев Алексей Васильевич и Волкова Татьяна Тимофеевна.

Три из этих направлений привели меня в деревню Кестымскую — ныне деревня Пыбья Бalezинского района, а одно—в начале в деревню 1-ое Заполье Бalezинского района, а затем—в деревню Максимовскую (ныне –деревня Ертем) Юкаменского района.

Оказалось также, что 2 корня — родители отца очень тесно переплетены и имеют одного предка.

Начнем с деревни Кестымской. Первое упоминание нашла в переписи 1710 года. Ревизия 1722 года фиксирует 7 удмуртских дворов, в них проживает 45 мужчин (женщин не учитывали).

В 1760 году в деревне 11 семей. 7 из них Волковы, 2– Князевы, по 1 семье — Владыкины и Трефиловы. А в 1897 году в деревне уже 63 семьи и 582 жителя. Вот как росла численность жителей в деревне. По тем сведениям, что я нашла в архивных документах, самым старшим своим предком считаю Волкова Еремея Максимовича, умер в 1782 году.

У Еремея 2 взрослых брата — оба Афанасия (детям при крещении имя давал священник по святым и нередко 2 ребенка в семье имели одинаковое имя). На долю младшего в 1782 году выпала судьба рекрута. Его жена и дети жили в большой семье Еремея.

У Еремея было 5 взрослых сыновей — Родион, Кузьма, Семен, Патрикий, и Марко. Кузьма—предок в шестом поколении моей бабушки Дарьи, а Марко — предок в пятом поколении моего дедушки Никифора.

В этой же деревне — корни моей бабушки Тани. Она тоже Волкова, ее предок в 7-ом поколении Сергей Максимович родился в 1706 году, а умер — в 1784 году.

Мои предки — крестьяне из государственных, основу их существования составляло земледелие. С ростом численности населения приходилось крестьянам расчищать новые земельные угодья, происходило хозяйственное освоение края.

Историки приводят статистические данные — только в период с 1804 по 1834 годы в Вятской губернии возникло более 4 тысяч новых починок. А по данным Вятского статистического комитета в 1911 году 2934 селений находились в Глазовском уезде. Не обошел этот процесс создания новых починок и переселения в них и моих предков. Из трех семей, живущих в д. Кестымской, две ушли в другие починок.

Так, предок моей бабушки Тани Алексей Сидорович в 1828-1829 годах переехал с семьей в починок Верхосепытский, появление и исчезновение которого в документах того времени сложно понять. По метрическим книгам и духовным росписям XVIII и XIX веков 5 населенных пунктов имело подобное название: деревня Верхсепычская, починок Вверхсепычский и т.д. Но тот починок, в который перебрались мои родственники еще назывался Пирюковским, в наши дни — это деревня Пирогово Балезинского района. В 1782 году упоминается починок Пирюковский, а по ревизии 1811 года он значится как «вновь заведенный починок». Пирюковский, в который переселились жители деревни Сепытской. И почти до середины XIX в. то один, то другой из этих починок исчезает из документов, так например, с 1800-1820 гг не упоминается Верхосепытский, а с 1830 по 1835 гг. — Пирюковский. Только путем сопоставления состава жителей этих починок на протяжении 2 десятков лет, я пришла к выводу, что это один и тот же починок. Правда, мне стало хорошо понятно, для чего проводилась чиновниками ревизия; - их интересовали только налогоплательщики. И если эта семья Волковых уже 30 лет жила в поч. Пирюковском, то по материалам 9 и 10 ревизий (1850 и 1858 годы) они все еще числятся в деревне Кестымской.

В исторической литературе описывается порядок приема новых жителей в починок; им, как правило, выделяется земельный надел тех хозяев, которые либо умерли, либо у них не стало работоспособных членов семьи.

Яркий пример – семья моего предка – Волкова Сидора Ивановича. В 1828 году в духовных росписях² читаем поч. Версепытский:

Исидор Иванович Волков – 58 лет,

Сын Алексей – 33 года

Жена его Дарья Андреевна – 34,

Дети: Кирилл – 7, Стефанида – 14, Ефим – 4, Агриппина – 2

Леонтий Дмитриевич Золотарев – 59, солдатка Неонила – 43. Его дочь Екатерина – 44.

Последние 3 человека не являются членами семьи Сидора Ивановича. Возможно община соглашалась на прием новых крестьян, т.к. долю податей, налогов пришедших в упадок семей платили те, кто начинал обрабатывать земли этих семей.

А в 1859 году сильно разросшаяся семья потомков Еремея тоже была вынуждена делиться и мой прапрадед Моисей Егорович создал новый починок – Истишурский в семи километрах от д. Кестымской. В этом починке 3 двора, где проживали мужчин – 31 и женщин – 30.

Всех моих Истишурских предков стали называть Мосей – пиос (сыновья Моисея). Жили в этом починке мои родные 120 лет, в 1979 году его не стало. Мой дед и отец, их братья и сестры родились в этой красивой деревне, дружно жили и растили хлеб и детей, отсюда уходили на фронты 1-ой мировой, гражданской и ВОВ, а сейчас на месте деревни стоит памятник, установленный силами бывших жителей в 1991 году. Так, предок моей бабушки Тани Алексей Сидорович в 1828-1829 годах переехал с семьей в починок Верхосепытский, появление и исчезновение которого в документах того времени сложно понять. По метрическим книгам и духовным росписям XVIII и XIX веков 5 населенных пунктов имело подобное название: деревня Верхсепычская, починок Вверхсепычский и т.д. Но тот починок, в который перебрались мои родственники еще назывался Пирюковским, в наши дни — это деревня Пирогово Балезинского района. В 1782 году упоминается починок Пирюковский, а по ревизии 1811 года он значится как «вновь заведенный починок». Пирюковский, в который переселились жители деревни Сепытской. И почти до середины XIX в. то один, то другой из этих починков исчезает из документов, так например, с 1800-1820 гг не упоминается Верхосепытский, а с 1830 по 1835 гг — Пирюковский. Только путем сопоставления состава жителей этих починков на протяжении 2 десятков лет, я пришла к выводу, что это один и тот же починок. Правда, мне стало хорошо понятно, для чего проводилась чиновниками ревизия; - их интересовали только налогоплательщики. И если эта семья Волковых уже 30 лет жила в поч. Пирюковском, то по материалам 9 и 10 ревизий (1850 и 1858 годы) они все еще числятся в деревне Кестымской.

В исторической литературе описывается порядок приема новых жителей в починок; им, как правило, выделяется земельный надел тех хозяев, которые либо умерли, либо у них не стало работоспособных членов семьи.

Яркий пример – семья моего предка – Волкова Сидора Ивановича. В 1828 году в духовных росписях² читаем поч. Версепытский:

Исидор Иванович Волков – 58 лет,

Сын Алексей – 33 года

Жена его Дарья Андреевна – 34,

Дети: Кирилл – 7, Стефанида -14, Ефим - 4, Агриппина - 2

Леонтий Дмитриевич Золотарев – 59, солдатка Неонила – 43. Его дочь Екатерина – 44.

Последние 3 человека не являются членами семьи Сидора Ивановича. Возможно община соглашалась на прием новых крестьян, т.к долю податей, налогов пришедших в упадок семей платили те, кто

начинал обрабатывать земли этих семей.

А в 1859 году сильно разросшаяся семья потомков Еремея тоже была вынуждена разделиться и мой прапрадед Моисей Егорович создал новый починок – Истишурский в семи километрах от д. Кестымской. В этом починок 3 двора, где проживали мужчин -31 и женщин -30. Всех моих Истишурских предков стали называть Мосей – пиос (сыновья Моисея). Жили в этом починок мои родные 120 лет, в 1979 году его не стало. Мой дед и отец, их братья и сестры родились в этой красивой деревне, дружно жили и растили хлеб и детей, отсюда уходили на фронты 1-ой мировой, гражданской и ВОВ, а сейчас на месте деревни стоит памятник, установленный силами бывших жителей в 1991 году.

В починок Истишурский перешли примерно половина всех потомков Еремея. По данным Первой Всероссийской переписи населения 1897 года в починок проживает 13 семей, из них 9-Волковы, 2 –Чирковы, 1- Емельяновы, 1- Мальшаковы.

Выписывая из архивных документов всех потомков Еремея, сделала вывод, что все Истишурские Волковы – родственники. Они этого, конечно, не знали, и даже сейчас, моя двоюродная 90-летняя сестра, родившаяся в Истишуре, удивляется, что и ее муж – тоже потомок Еремея.

Еще одна ветвь на родовом древе – Сысоевы (Кутявины), которые жили в деревне 1-ое Заполье (ныне-территория Балезинского района), тоже переселились в этот починок в 80-е годы XIX века из починок Иртемского Юмской волости (раньше д. Максимовская).

Наверняка, также нехватка земли побудила переехать крестьян и создать совершенно новый починок, который имел 2 названия; кроме Заполье 1-ое, еще Иртем. По переписи 1897 года в починок 14 семей, и жителей 141 человек, а фамилии все – юкаменские – 10 семей – Сысоевы, 1- Сабрековы, 1- Невоструевы, 1- Шибановы, 1 – Трефиловы.

Ни в одном из документов не смогла найти информацию о том, как узаконивались, легализовывались новые починок.

Например, в поч. Истишурском живут крестьяне с 1859 года и только впервые в метрической книге Покровской церкви села Балезино через 6 лет есть упоминание об этом починок, - починок Истишурский (Вычкогурт), а постоянные записи появляются после 1874 года.

Может, эту загадку легализации новых населенных пунктов поможет разгадать следующий архивный документ – материалы из Государственного архива Кировской области³ «Ревизская сказка 1850 года сентября 10-ого дня Вятской губернии Глазовского уезда Сепьцкой волости Котеговского сельского общества вновь заведенного по указу Вятской палаты государственных имуществ от 2 апреля 1843

года за №6515 починка Усть-Шамочимашурского (Гондыр починка). К сожалению, указов Вятской палаты государственных имуществ в архиве не сохранилось.

Следующая загадка – как удмурты при крещении получали фамилии, имена и отчества и почему на протяжении многих лет фамилии менялись. В переписи 1710 год фамилий, которые мои предки имели в дальнейшем, не было.

Как говорят историки, фамилии давали удмуртам в процессе христианизации. В «Книге Вятских родов» Василия Старостина нахожу записи: «Волков. Московский род с 1493 года. Род известен на Вятке с XVII века – в 1615 году 33 семьи. В 1891 году больше всего семей с фамилией в 6 населенных пунктах: Кестымский - 33, Котеговская -50, Версепыцкая -13, Нурызовская -11, Пирюковский -11, Истишурский - 10, с. Люкское (Волково) -33, Якшинская -13, Качкашурская -11.⁴

С этой фамилией в моем роду вопросов нет. А вот с другими – проблемы. Всегда знала, что мой дедушка по маме – Алексей Васи́льевич по фамилии Сысоев. Но вот нахожу в метрической книге Богоявленской церкви с. Ягошур 7 февраля 1900 года рождения Алексей – родители Поломской волости починка Заполье -1 крестьянин Василий Прокопьевич Кутявин (Сысоев – исправлено) и законная жена его Юлиания Алексеевна, оба православные. И далее – Исправленному «Кутявин» на «Сысоев» верить. Райинструктор ОАГС. 8 января -51г.

Как это? В 1897 году во время Всероссийской переписи Василий Прокопьевич и вся семья, а также большинство жителей деревни – Сысоевы, а Кутявиных нет.

В деревне Максимовской, где жила раньше семья, большинство жителей – Кутявины. А когда семья переехала в 1-ое Заполье, то Василий Прокопьевич при рождении своих детей записывается то как «солдат Сысоев», то как «крестьянин Кутявин».

В 1861 году в метрической книге Троицкой церкви села Юкаменское⁶ записано крещение самого Василия Прокопьевича – «2 марта 1861 г. – Василий – Юмской волости деревни Максимовской уволенный во временный отпуск рядовой солдат Прокопий Дмитриевич Кутявин (Сысоев тож) и законная жена его Анна Кондратьевна». И в целом по Юкаменской церкви в XIX в очень много записано Кутявиных. А вот документы Ревизских сказок: в 1795 году впервые упоминается починок Максимовский над речкой Пажмой. В нем – предок деда Алексея –Михайло Кондратьевич Сысоев и его сын Яким. В этом починке все Сысоевы – 10 мужчин и 9 женщин. И в дальнейшем во всех ревизских сказках 1811, 1816, 1834, 1850, 1858 годов вся

эта семья – Сысоевы.

И в починке Максимовском в 1850 году живет 5 семей Сысоевых и 2 семьи – Ипатовы, а в это же время в метрических книгах и духовных росписях Сысоев записаны как Куत्याвины, а Ипатовы записаны как Караваевы.

Никакого объяснения таким трансформациям фамилий пока не нашла. Могли бы пролить свет на этот вопрос посемейные списки волостных правлений, но, к сожалению, в архивах такие списки не сохранились.

Интересно, какими людьми были мои предки, какие семейные ценности их отличали? Архивные документы не могут обо всем рассказать, но кое-какие выводы можно сделать. Меня удивили размеры семей моих родственников в этот период – вторая половина XVIII века и XIX век. От 10 до 40 человек жило в одном хозяйстве, это были большие неразделенные семьи, состоявшие из женатых братьев с женатыми и холостыми детьми, иногда с женатыми племянниками с детьми и внуками.

Таких семей к середине XIX века стало 45,5%. Историки называют несколько причин, почему крестьяне не делили семьи:

малоземелье, семьи были ограничены определенной нормой земли и с ростом количества членов семьи распад семьи проводил к дроблению земельного участка, государство намеренно ограничивало семейные разделы (Указ Сената от 30 марта 1823 года), большая семья в хозяйственном отношении выигрывала по сравнению с малой, она обладала значительными ресурсами для развертывания товарно-денежных отношений, обеспечивала более устойчивые связи с рынком.

С наших современных позиций, когда «на одной кухне две хозяйки ни уживаются» сложно представить, как жили такие большие семьи.

Вернемся к семье Еремея. В 1762 году - 34 человека. Эта семья состояла из 5 взрослых сыновей со своими женами, детьми и семьей отданного в рекруты дяди – Афанасия Максимовича.

В Ревизской сказке V ревизии 1795 года⁷ – 40 человек. Чтобы такая большая семья жила в согласии, важен был авторитет хозяина. И хотя уже никто из родственников не помнит ни Еремея, ни его сыновей, но и сейчас все с большим уважением говорят о моем деде Никифоре, о бабушке Дарье, потомках его. Про деда Никифора говорят, что он не говорил громко и много, но за ним в деревне было последнее слово и все, что он делал – он делал исключительно аккуратно. После его смерти в военном 1944 году осталось 25 пар сплетенных лаптей, его рабочие инструменты находились в идеальном порядке, и даже я помню, какими пусами были отмечены все лопаты, ножовки, литовки моего отца. А хлеб, который пекла Дарья во время колхозной страды,

был нарасхват, все просили «Дарьин хлеб», и во всей деревне не вырастала такая капуста, как у нее.

У Дарьиных прадедов – Мирона Кузьмича и Егора Мироновича жизнь была недолгой – отец прожил 27 лет, а сын – 33 года, но их жены, оставшись молодыми вдовами, жили в тех же семьях и подняли на ноги детей. Не зря говорят, что в удмуртском языке нет слова «сирота». Не только детей Афанасия воспитывали в семье братьев. Патрикий и его жена Елена Тимофеевна умерли в 1800 году, а их дети 14,9 и 5 лет воспитывались в семье дяди Семена и Марии.

Я представляю этих пра-прапрабабушек – Федосью Максимовну и Анну Ивановну. Может быть, они и принадлежали к каким-нибудь воршудам, но у них не было дочерей, и не могли они передать традиции рода по наследству. И даже у Дарьиной бабушки Агафьи Сергеевны не было дочерей – только 4 взрослых сына осталось после нее. А вот родная мать Дарьи Ирина Епифановна Целоусова – русская, приехавшая в наши края с отцом и братьями из русских волостей Глазовского уезда, в 18 лет вышла замуж в удмуртскую семью и деревню и приняла и традиции, и обычаи семьи и народа.

А вот пра-прапрадеды и Никифора, и Дарьи выросли вместе и были друзьями. Откуда мне это известно? Они были друг у друга поручителями при бракосочетании и восприемниками при рождении детей, и на исповедь в церковь часто ходили вместе – это зафиксировано в духовных росписях. А их сыновья Феоктист Егорович и Моисей Егорович в 1850-е годы жили одной семьей. И не ведали два Егора, что их потомки – Никифор и Дарья станут мужем и женой и вырастят 9 достойных, работающих и честных детей, трое из которых положат свои жизни за счастье родного края. Работа по написанию родословной моей семьи продолжается для того, чтоб и для моих потомков, как и для тех, кто дал нам жизнь, ничего не было дороже своей Родины.

Литературы

История Удмуртии (конец XV– начало XX века). Российская академия наук. Уральское отделение. Удмуртский институт истории, языка и литературы. Ижевск, 2004 г.

ЦГА, ф134, оп1, дело №1556, лист 1212

Ф. 176, оп.8, дело №145, лист 669

Сайт «Родная Вятка»

ЦГА УР, ф .258,оп.1, №28

ЦГА УР, ф134, оп 1, дело №2360

ГАКО, ф.176, оп.8,д.7

Крень юон дырлэн радыз

Котькуд гуртын вань аслаз калык сямьёссы. Вашкалаосмы калык сямьёсты туж утыса возылызы. Оскыса улызы, пересьёслэсь дышетэмзэс санэ понйд ке, нянё-буро улуд, корка котырлэ калык радья возыны быгатод, семьядэ шудо-буро карод, даурдэ висёнъестэк ортчытыны быгатод.

Но берло дыре тросэз сямьёс вуныны кутскизы. Визьмо адымиос валаны одъязы, калык, зеч сямьёсэ ыштыса, ассэ но ыштэ, осконэз быре, юыны одъя, азьтэмеz ворме. Соин ик Эбга гуртын (Глазов ёросысь Слудка гурт) культура юртын, библиотекаын, школаын калык сямьёслы бадзым саклык висьяны одъязы. Культура юртын ужасьёс ортчыгяло пöртэм праздникёс но обрядёс: «Вожо дыр», «Вожо келян», «Масленча», «Крень юон», «Великтэм», «Пудоосты луд вылэ лэзён», «Йö келян» но мукетъёсэ.

Дас укмысэти тулыспалэ культура удысын ужасьёс ортчытйзы «Крень юон» праздник. Та сям ортче вылэм Масленча бере. Вöй дыр бырем бере, постной сиён сиыны кутско. Та нуналэз гуртамы улысь калык тодэ. Чукнаысен кышномуртъёс сиён пöрало: губиен, чорыген куасам пыжо, көртчал, кисаль лэсьто, валтэсэн шаньги, мушник пыжо, постной жук пöзьто, сюкаsez кренен кизерто. Озы соос дасясько шулдырьяськыны.

Вазь чукна ик пиосмурт нюлэскы боды чöгыны кошке. Со бодыез кутыса, культура юртын ужасьёс коркась-корка öтчаськыса ветло. Котькуд коркан со боды борды кузьым (пус) думыло: чöшкон, айшет, кышет, чебер басма. Öтчась ваньзэс öте культуралэн юртаз, вера дырзэ-көнъялы - вуоно.

Азыло дырьёсы öтчасьлэн корказ шулдырьяськыны мынылызы, нош табере культура юртын ортчытйськом. Öтчамёс пöртэм сиёнъёс сьöразы ваё. Жöк сьöрын сиемзы-юэмзы бере, пöртэм кырзаныёс кырзало: удмуртэ но зучсэ но, круген шудонъёсты шудо:

Тыпыр-тыпыр, тыпыр-топ	Анапари мусарики
Кумаушки сери	Кумасари гости.

Кренен сюкаsez юэм бере, боды бордысь кузьымёсты азыло дыре сөтйськом вал курадзйса улысь семьяослы, нош табере кыле культура юртэ – кружокёс бордын ужасьёслы. Бодыез нуимы куинь сюрес вöзы, куштймы ю кизён пала бусые. Ю-нянлы мед удалтоз шуыса. Нош тулыс учком, кыче со потоз лымы улысь: пурись ке – губи удалтоз, тöды ке – нянь удалтоз. Кошкыкумы пöртэм кырзаныёсты кырзаськом.

Герои произведений Кедр Митрея как носители традиционной удмуртской культуры

Кедр Митрей (Д. И. Корепанов) явился первым писателем, взявшимся за изучение и художественное отображение истории удмуртского народа. Он ещё в 1911-1912 гг. задумал написать трилогию об удмуртских батырах (богатырях), в которую должны были войти трагедии «Идна-батыр», «Эш-Тэрек» и «Эш-Туган».

В трилогии Кедр Митрей стремился показать историю своего народа с древнейшего периода, когда удмурты боролись с соседними народами - марийцами, татарами, русскими - за свою самостоятельность. Для осуществления грандиозного замысла потребовалась серьёзная подготовка. Он читал драматические произведения В. Шекспира, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, историко-этнографические материалы об удмуртах, ходил по деревням, собирая легенды и сказки. Удмуртский фольклор, записанный в деревнях Игринской, Зуринской волостей Глазовского уезда вдохновил писателя на создание многих произведений. Также в дневниках встречается упоминание о деревне Чизминской (вероятно, д. Дизьминская), в которой ему пришлось заночевать.

Из трех произведений первой была написана вторая часть трилогии – трагедия «Эш-Тэрек». Произведение опубликовано в Благовещенске-на-Амуре в 1915 г. на русском языке под псевдонимом Пан Реймит. На титульном листе значится: «Эш-Тэрек» – трагедия в 4-х действиях, из эпохи борьбы вотяков с черемисами, относится к XV веку». Деньги на издание книги собирали буквально по копейке однополчане вятских ополченских дружин, отбывавших там службу во время Первой мировой войны, в простонародье называемой германской. По национальному составу в дружинах преобладали удмурты. Книга, вышедшая тиражом 1000 экз., разошлась за три месяца. Кстати, второе дополненное издание трагедии содержит 5 действий (1924 г.) Писатель, очевидно, включил те фрагменты трагедии, которые не вошли в первое издание по цензурным соображениям. В 1924 г. писатель создал первую часть трилогии – «Идна-батыр». Действие её относится к XIV в. (из эпохи борьбы удмуртов с марийцами). А третья часть задуманной трилогии по неизвестным причинам не была им написана. Тем не менее, к трагедиям близка по теме поэма «Юбер батыр» (1928 г.), в основе которой лежат легенды и подлинные исторические события.

В поэме отражены взаимоотношения с московским царем Янсаром (прототип – Иван III Васильевич) в начале XVI в., после присоединения северных удмуртов в составе Вятской земли к Русскому государству (1489г.). Таким образом, все обозначенные произведения действительно являются историческими.

Рассмотрим подробнее трагедию «Эш-Тэрек». Географические названия в трагедии сопоставимы с историческими памятниками на севере Удмуртии. Так, совещание вождей, кузё, старцев происходит в столице удмуртов Тöрогурте, который можно увязать с археологическим памятником городищем Иднакар, а также в марийском Поркаре. На севере Удмуртии известно несколько городищ с таким названием (археологи переводят этот топоним как «марийское городище»).

Битва удмуртов с врагами происходит в Каренском лесу при Эгинской горе, что созвучно названию «при городище / кар», Эгинская гора, не является ли приближением к названию волостного села Эгра (современное – Игра)? А большая река «кам», в которую бросился с крутого обрыва Эш-Тэрек, ассоциируется с р. Вяткой. По археологическим источникам в древние времена на берегу Вятки (Наговицынское городище) проживали предки удмуртов. Не вызывает сомнения, что Д.И. Корепанов, в то время 20-летний писатель, был знаком с трудами выдающихся археологов А.А. Спицына и Н.Г. Первухина.

Действующие лица в трагедии представляют иерархию родового общества в период военной демократии. Это мифологические герои: удмуртские вожди (*тöро*), батыры Идна и Ожмег, начальники отдельных родов (*кузё*) Эш-Тэрек и Эш-Туган, а также предводители крупных родов (*эль*) Блат и Эжбай.

Женским персонажам писатель дает имена по названиям родов (*воршуд ним*), встречающихся на территории Глазовского уезда. Жену Идна-батыра зовут Чола, а дочь – Ёанка. Кстати, отворшудное имя носит еще один женский персонаж, уже в другой трагедии – «Идна-батыр». Это – старуха Кушья (*пересь кышно*), ангел-хранитель семьи Идна-батыра. В самые трудные времена она всегда рядом, оказывает моральную поддержку, дает советы. Напрашиваются предположения, что этот персонаж списан писателем с матери, А.К. Корепановой. Дело в том, что карандашный рисунок этого персонажа, выполненный самим К. Митреем, удивительно похож на портрет матери.

Еще один женский персонаж трагедии «Эш-Тэрек» – Ёумья. Это жена марийского вождя Майдана. Судя по воршудному имени, она тоже удмуртка по происхождению. По сюжету трагедии Ёумья была пленена

и уведена на чужбину.

Выше отмечалось, что работая над произведением, К. Митрей собирал фольклорный материал, который творчески переработал. Вернемся к сюжету трагедии. Эш-Тэрека приворожила и стала причиной его гибели марийская красавица Лёда. В 1911 г. похожую легенду К. Митрей записал о великане-силаче Эштэреке. В ней Эштэрек стал вождём, предводителем после смерти Идны и Ожмега. Сила Эштэрека так велика, что с ним ищет дружбы сам вумурт. Батыр и вумурт заключают договор: взамен коня, «который летает как орёл», Эштэрек должен подарить взятую в плен красавицу-татарку. В войне с татарами Эштэреку удалось полонить девушку, но она так очаровала героя, что батыр решил сам на ней жениться, нарушив договор. Разгневанный вумурт отомстил Эштэреку, вызвав наводнение, в котором погибли и герой, и красавица-полонянка. В трагедии писатель превратил вумурта в марийского вождя Майдана, а девушку-татарку – в красавицу Лёду.

Из народных сказаний известно, что Эштэрек до сорока лет занимался земледелием, на войну не ходил, был лишён чувства зависти. В молодые годы его призывали стать торо, но он отказался в пользу умудренного опытом Идны. А в трагедии Кедре Митрея Эш-Тэрек – с юношеских лет честолюбивый воин, возмечтавший стать торо. Ради корыстного замысла он не останавливается ни перед убийством (по его наущению убивают Идну), ни перед изменой. Став предводителем народа, он предает его, полюбив Лёду. Узнав о коварстве и измене женщины, убивает её, раскаивается в содеянном, а преступление свое искупает самоубийством, бросившись со скалы в реку. Однако помимо отрицательных качеств Эш-Тэрек обладает храбростью, способностью на большое искреннее чувство. Во всех сюжетах трагедии, написанных на основе легенд, обнаруживаются параллели с русскими легендарными персонажами. Например, с русским богатырем-землепашцем Микулой Селяниновичем, поменявшим орало на меч против завоевателей Русской земли. Возможно, в этих параллелях мы наблюдаем следствие идентичных социально-экономических и политических процессов формирующегося классового общества у русских-славян и у удмуртов.

В автобиографии, датированной декабрем 1928 г., К. Митрей писал: «В апреле 1912 года завершил трагедию «Эш-Тэрек». Эти две даты жизни связаны с пребыванием писателя в городе Глазове (в 1912 г. он – корреспондент газеты «Камско-Чепецкий край», выходившей в Глазове, а в 1928 г. – заведующий Глазовским педтехникумом). Надо отметить, глазовский период оказался весьма плодотворным в творчестве Д.И. Корепанова.

И, наверное, не случайно, что первая постановка трагедии «Эш-Тэрек» была осуществлена на глазовской сцене силами коллектива художественной самодеятельности учащихся педагогического техникума под руководством С. Жуйкова (февраль 1925 г.). Костюмы для спектаклей были также изготовлены по рисункам самого автора. По воспоминаниям, спектакли неизменно вызвали огромный зрительский интерес и имели большой успех. Кстати, в фондах Глазовского краеведческого музея сохранилась фотография участников спектакля в костюмах вместе с руководителем С.П. Жуйковым, преподавателем удмуртского языка и литературы.

В этот же глазовский период Кедр Митрей написал первый исторический роман на удмуртском языке «Секыт зйбет» (пер. с удм. «Тяжкое иго») (1929 г.). В романе нашли отражение самые древние черты быта и духа народа. Люди здесь осознают себя в неразделимом родстве с окружающей природой, они часть этой природы. Это время, по словам Питирима Сорокина, называют «Золотым Веком» истории: «Золотой Век в представлениях многих древних народов означал самую раннюю эпоху жизни человечества, в которой ещё не было социальной несправедливости, неравенства, вражды, болезней, а люди жили долго и счастливо». В романе «Тяжкое иго» главных героев зовут Дангыр (созвучно с «гондыр» удм. – медведь) и Дыдык – «голубка». У удмуртов был обычай давать имена детям по названию птиц, цветов. Это шло ещё от языческих времён и отражало близость человека к природе. Дангыр – охотник, что мы видим в его облике при первом появлении на поле Вортча Пужея: «на широкие плечи его накинута свежесодранная шкура рыси; голову покрывает берестяной бурак без дна, разукрашенный зелёными листьями клёна».

Рассказывая историю большой дружной семьи Вортча Пужея (Вортча – название рода, воршуда, имя Пужей в переводе «Олень»), писатель даёт понять, что люди живут двойной жизнью – естественной, патриархальной, традиционно-национальной и официальной, навязанной церковью, властями: «Все снохи Вортча Пужея носят по два, по три имени. Их первые имена – Пурга, Эгра, Маля. Они получили их по материнской линии. Вторые имена Мардан-ныл, Мото-ныл, Бачкей-ныл. Так называли их при замужестве, именуя дочерьми своих отцов. Все такие имена поп называет дьявольскими. Поэтому Пурге суждено было стать Дарьей, Эгре – Марьей, а Мале – Маланьей». Этот фрагмент ярко показывает главный конфликт в романе между традиционной верой удмуртов, имеющей тысячелетние корни, и насильственной христианизацией.

Таким образом, в произведениях Кедр Митрея мифологический

сюжет и легендарные герои наделены вполне реальным содержанием, основанным на глубоком знании этнической культуры и истории удмуртского народа. Он стремится сохранить для потомков традиционную культуру своего народа и показывает как положительные, так и отрицательные черты этой культуры. Но в целом его произведения проникнуты оптимизмом и верой в лучшее будущее.

Литература

1. Ватка но Калмез: Удмурт калык легендаос но преданиос / Сост. П.К. Поздеев и Н.П. Кралина. – Ижевск: Удмуртия, 1971.
2. Весёлая З. А. С надеждой и верой. Повесть – Ижевск, 1983.
3. К. Митрей. Идна – батыр. – Иж кар. Удкнига, 1926.
4. Кедр Митрей. Юбер батыр. – Ижевск. Удкнига, 1928.
5. Кедр Митрей. Тяжкое иго. – Ижевск, 1958.
6. Опаленный подвиг батыра. Жизнь и творчество Кедр Митрея: Воспоминания, статьи, письма и произведения Кедр Митрея / З.А. Богомолова. – Ижевск, 2003.
7. Пан Реймит. Эш – Тэрек: Трагедия. Ижевск, 1924.
8. Сорокин П. Долгий путь. Автобиографический роман. Пер. с англ. – Сыктывкар, 1991.
9. Фонды Глазовского краеведческого музея.

Секреты кезской прялки

У меня дома сохранилась старая мамина прялка с потемневшими красками. Я долго пытался выяснить рисунок, но ничего определенного выявить не удалось. Летом 2017 года в деревне Старый Пажман обнаружил прялку с интересным узором в виде восьмилепесткового цветка. В районном доме ремесел оказалась прялка с таким же рисунком, привезенная из деревни Пинькай. Я вернулся к маминной прялке, там тоже угадывается тот же рисунок. Такие прялки мне показали в Кезском краеведческом музее и районной библиотеке. Нашел одну прялку в своей деревне. Екатерина Семеновна Лекомцева, хозяйка гостиного двора «Живица», показала мне больше десяти прялок, собранных в Кезском районе, и из них восемь прялок имели тот же рисунок. В Балезинском, Глазовском и Ярском районах таких прялок нет. В Дебесском районе уточнить ещё не удалось, но в близлежащих к Кезскому району территориях, возможно, есть. Так как по словам Е. С. Лекомцевой она собрала свою коллекцию, в основном, в Тортымской стороне, т.е. близ границы с Дебесским районом. В Кезском районе за Пызепом такую прялку найти не удалось, у старообрядцев совсем другие прялки. На данный момент найдено 17 прялок с интересующим нас рисунком.

Все рисунки выполнены разными мастерами, но их объединяет общий сюжет. На тыльной стороне лопатки в центре круг, а вокруг восемь лепестков. Четыре лепестка обязательно красного цвета, остальные могут быть разного цвета: белого, желтого, синего, черного и т.д. Свободное пространство может быть заполнено просто точками, зигзагами или S – образными завитками. Эти знаки располагаются не хаотично, а в определенном порядке. На лицевой стороне, ниже места, где размещается кудель, тоже возможны рисунки в виде усеченного цветка, чаще с тремя лепестками.

Поиски в Интернете привели к Обвинской росписи, распространенной в бассейне реки Обва Пермского края (Карагайский, Нытвинский, Верещагинский районы). Наши ближайшие соседи. Вероятнее всего, эта роспись и служила для возникновения рисунка на прялках нашего района. На прялках с обвинской росписью мы можем найти те же самые сюжеты, но они не являются главными на этих рисунках, а входят в состав целой композиции (цветка со стеблем и листьями или другими растительными орнаментами). И красный цвет в

лепестках не обязателен.

При дальнейшем изучении рисунков я обратил внимание на то, что на многих прялках рисунок не очень то похож на цветок, они больше напоминают восьмиконечную звезду. Поиски в Интернете теперь меня привели к иконам, где изображена Богородица. Тем более мы узнали, что Богородица почиталась, как покровительница женщины и женского рукоделья. Звезды, изображенные на этих иконах, так называемая Вифлиемская звезда или звезда Богородицы, очень похожи на звезду с прялок. Также я обратил внимание на икону «Неопалимая купина», здесь Богородица расположена внутри восьмиконечной звезды и четыре луча этой звезды обязательно красного цвета, а остальные могут быть и другого цвета.

Ещё более интересную закономерность я обнаружил, когда разместил на карте района населенные пункты, где были найдены прялки с интересующим для нас рисунком. Основная масса находок относятся к юго-восточной части Кезского района, населенные пункты которого относились к приходу села Тортым. В селе Тортым стояла единственная церковь на территории района, посвященная Божьей матери. Деревянная церковь была построена в 1865 году в честь иконы Пресвятой Богородицы «Утоли моя печали». На лбу и на плечах Богородицы с этой иконы та же восьмиконечная звезда. Когда в 1913 году была построена каменная церковь, получившая название Богородицкая, часть иконостаса старой церкви перешла в новую, вместе с иконой «Утоли моя печали». Совпадение, мне кажется, не случайное.

Самые распространенные прялки в Кезском районе, это разъемные прялки, состоящие из двух частей – донце и стойка с лопастью, где стойка обязательно выточена на токарном станке. Такие прялки встречаются в правобережном Прикамье и в северной Удмуртии. В других местах такие прялки встречаются очень редко, большинство имеют стойки прямоугольным или квадратным сечением. У южных удмуртов вместо привычной для нас лопасти палка с квадратным сечением, украшенным резьбой. А старообрядцы нашего района прялки свои делали из цельного куска дерева, используя корни дерева, отходящие под прямым углом.

На многих прялках мы находили следы забитых монет. Мы думаем, что это было связано со свадебными обрядами. Так же мы на прялках нашли домовые знаки (корка пус), указывающие принадлежность прялки к определенному роду.

Хотя мы не нашли никаких признаков, указывающих на возраст, но мы думаем—не больше ста лет. Мама говорила, что купили прялку,

когда ей исполнилось 16 лет, в 1929 году. Звали мастера Шушка Павол (это прозвище), а вот фамилию и отчество она не говорила.

Для меня пока очень много секретов содержат эти прялки. Почему такой рисунок? Почему только в Кезском районе? Что означают отдельные элементы этого рисунка? Что из себя представлял токарный станок, на котором выточены эти прялки? Вопросов много и, наверно, нужен специалист, кто поможет раскрыть секреты Кезской прялки.

Как мы видим прикладное значение нашего исследования? В современных условиях расписывать прялки, коромысла и телеги нет необходимости, так как эти вещи редко используются. А вот расписать разделочную доску несложно и подарок идеальный, ведь этот предмет быта в хозяйстве использовался всегда, а расписанный на основе традиции данной местности, может прекрасно украсить интерьер кухни и привести к лучшему пониманию национальной культуры.

Дом ремесел, д. Пинькай

Живица

Живица

д. Старый Пажман

*Бутолин П.В., краевед,
Кезский р-н, д. Гулейшур*

По следу медицинской пиявки. (Тысэралэн пыты куяз).

Впервые пиявка медицинская в Удмуртии открыта в начале 2000 года, и как редкий вид животных, занесена в Красную Книгу Удмуртской Республики.

Однажды с учеными экологического факультета УдГУ у меня состоялся разговор о загрязнении вод в р. Чепца, которое связано с многократным увеличением посещения отдыхающими поймы реки, приезжающих сюда также на транспортных средствах. Именно тогда и произошел разговор о пиявках. Честно говоря, ученые были удивлены, что у нас живут такие черви, которых не должно быть в наших широтах. Летом следующего года я привез в университет несколько экземпляров пиявок, и тогда смогли определить, что эти черви оказались пиявкой медицинской.

Летом 2007 года группа студентов УдГУ с преподавателем изучали флору и фауну Кезского района. Я смог продемонстрировать им пиявок в озере Камжоты. Пиявки живут и в соседних с Кезским районах: в Балезинском, Якшур-Бодьинском, а также Селтинском.

Информация об этом виде также пришла из г. Глазова от биолога А.В. Баженовой. Она рассказала о том, что её студенты не раз сообщали о находках пиявки, способной прокусывать кожу человека, в окрестностях города. Тогда к этой информации Баженова серьезно не отнеслась. Краевед А.И.Иванов из д. Б-Олып (Кезский р-н) тоже сообщал о находках медицинской пиявки в этой округе, но в данное время здесь ее не наблюдали.

Еще в 60-е годы прошлого века я стал свидетелем того, как моя бабушка лечилась пиявками. Краевед Б.Русских писал, что во время Великой Отечественной войны в Поломской больнице больных лечили пиявками, а добывали их из озер в районе деревни Гулейшур. Эту информацию я получил от жителей села Полом. Из-за применения пиявок в лечебных целях, выходит, что их вылавливали в огромном количестве.

Основной ареал распространения медицинской пиявки - это Украина, Западная Европа, юго-запад России. По всей России в настоящее время популяции пиявки находятся в критическом состоянии. В Волгоградской, Смоленской областях, Башкирской Республике медицинская пиявка встречается изредка.

В средние века на территории современной Удмуртии и смежных республик и областей предками удмуртов и коми строились городища. Из них наиболее известные и значимые – это Иднакар и Арск, которые вели активный товарообмен и торговлю с существовавшими тогда государствами – с Волжской Булгарией, Киевской Русью и др. Возможно, в этот период происходила торговля пиявками, о лечебных свойствах которых знали еще древние люди.

Пиявка может некоторое время обходиться в сырых условиях без воды и успешно уползает и акклиматизироваться в пригодных для выживания местах. Птицы и животные помогали пиявкам расселяться, в удобных местах она адаптировалась. Но из-за южного происхождения, места для адаптации были ограничены – это неглубокие водоемы с чистой водой, которые хорошо прогревались. Но в дальнейшем из-за загрязнения воды нефтепродуктами, гидрологическими изменениями при нефтедобыче и органическими выбросами, пригодные для выживания пиявки места резко сократились. Сократился и животный мир, от которого зависело ее выживание.

В данное время в урочище Гулейшур живую пиявку обнаружить мне не удалось. Но я считаю, что она там все еще обитает. А пока радует, что во вновь зарегистрированном памятнике природы «Поломское» эти черви обитают во многих озерах, а также в озерах соседних с Кезским районами – Дебесском и Игринском.

Моя бабушка лечилась пиявками: каждую неделю ставила их на лицо близко к ушам, до 5 штук в обе стороны. А если такое лечение долго не проводилось, тогда она начинала жаловаться на головную боль. После лечения пиявками в течение часа текла кровь из места, куда пиявка была прикреплена, но потом кровотечение останавливалось. Пиявок после высасывания крови собирали в ковшик с водой, периодически их клали в блюдце с поваренной солью. В солёной воде пиявки обратно выпускали высосанную кровь. Продолжалась эта операция неоднократно, пока пиявка не испустит всю кровь. Так как пиявки присасывались не одновременно, то после заполнения желудка, отрывались они также не одновременно. Некоторые старались уползти, поэтому бабушка просила нас помогать. Освободившиеся от крови, через несколько недель пиявки становились голодными. Таким образом, их могли использовать многократно, и в течение нескольких лет. Пиявок держали в разных стеклянных банках – штопах (штофах) и четвертях, группируя по срокам кормления. Для лечения держали не менее пятидесяти штук. В банках воду меняли по мере загрязнения. Пиявки часто умирали или уползали через неплотные деревянные крышки.

Пиявок в озерах было много, и мы с братьями ловили в день до ста штук. Выловленных нами пиявок родители иногда продавали за двадцать копеек каждую.

В настоящее время медицинских пиявок, выведенных в лабораторных условиях, рекомендовано применять одноразово из-за опасности заражения различными болезнями. В России производят более 5 миллионов пиявок в год, реализация их происходит через аптечную сеть.

Таким образом, установлено, что в природных памятниках «Поломское» и «Гулейшурское», находящихся на северо-востоке европейской части Российской Федерации в бассейне р. Чепцы, обитает медицинская пиявка. Вероятно, это самые северные естественные популяции этого уникального объекта природы, нуждающегося в сохранении для будущих поколений. В примере обитания пиявки медицинской на севере Удмуртии просматривается пласт местной истории, культуры, прослеживается духовность народа, его бережный подход к природным богатствам, проявившийся за несколько веков применения пиявки в медицинских целях. Адаптированные к условиям Чепецкого бассейна, пиявки рано или поздно вызовут научный интерес ученых - биологов, историков, а также коммерсантов, которые будут выращивать пиявок для медицинских целей.

Вышивка удмуртов

Вышивка - один из древних декоративно-прикладных видов народного искусства. Материалом для изготовления вышитой одежды удмуртов была домотканина, льняной холст, гладкий, без узора. В разные периоды для вышивания по холсту удмуртки употребляли различные материалы: шерсть, гарус, шелк, бумагу, серебряные и позолоченные мишурные нитки.

Для удмуртской вышивки характерно сравнительно небольшое количество цветов, преобладание темных насыщенных тонов. Чаще всего употреблялись сочетания контрастирующих цветов: красного с черным, белым или синим, синего с коричневым, черного с серебром. У южных удмуртов раньше, чем у северных, вышивка стала более полихромной, они ввели зеленый, оранжевый, фиолетовый цвета, в чем усматривается влияние соседних - тюркоязычных народов - башкир, татар.

Основной техникой шитья являлась счетная гладь. У удмуртов употреблялась так называемая «прямая счетная» гладь без предварительного обведения контуров. Шов этот обычно был двусторонним, применялся при вышивании нагрудников «кабачи» и рукавов. Реже использовали при орнаментации «косую стежку», гладевой шов с четким обведением контуров «росписью».

Шов «набор» чаще употреблялся на головных полотенцах в сочетании с узорным тканьем. Эта техника вышивки имитировала браную технику тканья по принципу пропуска нити через известное количество ниток основы. Узор нередко был двусторонним, с обратной стороны получалось негативное отображение лицевого узора. Шитье «по выдержку» не характерно для народов Поволжья, но в некоторых районах проживания удмуртов оно широко применялось. Этой техникой вышивалась верхняя одежда удмуртов «шортдэрем».

Композиции рисунков составлялись обычно из геометрических фигур: ромбов, квадратов, треугольников, прямых и ломаных полос, крестиков и т. п. Разнообразие их комбинаций при варьировании размеров и цветов создавало бесконечное множество узоров.

Наиболее богато орнаментированной у удмуртов была женская плечевая одежда. Обычно вышивкой украшалась грудь, рукава, подол рубах, прямоугольный съемный нагрудник «кабачи».

Вышивка нагрудника «кабачи» в женском удмуртском костюме разнообразна и по орнаменту, и по расцветке, и по материалу для выполнения узора. Основные элементы геометрического орнамента, которые входят в структуру вышивки, это - звезды, ромбы, ломаные ступенчатые линии, квадраты, кресты, крестообразные фигуры.

Вышивка зачастую — двухцветная, с использованием синего и красного шелка. Встречается также одноцветная вышивка, где в орнаменте предусматривается рисунок, четко выделяющийся благодаря незаполненным местам белой ткани.

Что же касается верхнего платья-кафтана, то оно было украшено по подолу (в месте соединения стана и оборки) узкой полосой вышивки. Вышивка обычно исполнялась цветными шелковыми нитками: голубыми, желтыми, красными, черными — с применением позументной нити. Техника такой вышивки — это сочетание старинного шва «в прикреп» со швом «счетная гладь». Иногда подол украшался полосой вышивки, исполненной техникой «набор».

Большое разнообразие представляет собой вышивка головных полотенец у удмуртов: тонкая, почти ювелирная, выполненная разноцветным шелком, техникой «счетная гладь».

Вышивка северных удмуртов представлена в первую очередь вышитой белой одеждой. Это рубахи с распашными кафтанами. Узоры самые разнообразные: прямые полосы, пересечённые прямыми и косыми линиями, гребенчатые линии, треугольники и квадраты, ромбы, ромбы с продолжающимися сторонами, мотив парного крючка. При этом они имеют различные названия: «бараньи рога», «крылья утки», «конские головки».

Основная цветовая гамма вышивки — терракотово-красная, контур узора всегда очерчивался чёрной нитью, иногда вышивались небольшие оживки (включения) из синих, жёлтых, зелёных нитей.

Северные удмурты владели практически всеми видами швов вышивки: это — косой и прямой стежки с очерченным контуром, стебельчатый, петельный, набор, счётная гладь, крест, косичка, роспись.

Мастерицы из южной группы удмуртов расшивали налобные повязки, платки-покрывала, головные полотенца, свадебные пояса зар, нагрудники.

Налобные повязки вышивались в технике «косой стежок» и серебряными нитями в технике «в прикреп». Узор рельефный, чёткий, орнаменты: зигзагообразные и волнистые линии, также встречаются крючки и мелкие треугольники. Основой для узора служила береста.

Головные полотенца с яркой ювелирной вышивкой исполнены

разноцветными шёлковыми нитями по кумачу, ромбовидные квадратные и прямоугольные фигуры обычно составлены из мелких квадратных фигур, контуры композиции очерчивались узкими линиями в технике роспись. Концы головных полотенец выполнены в основном свободными швами тамбур, козлик, восьмёрка. Такая техника была характерна для тюркских соседей удмуртов, видимо, её переняли от них.

Таким образом, невзирая на то, что в современной одежде удмуртского народа все реже присутствуют элементы национальной вышивки, это искусство живет и сегодня. Самым ярким акцентом народного костюма удмуртов является вышивка, так как она не только украшает костюм, но и отражает особенности, присущие нашему народу, а именно терпеливость, сдержанность, скромность, немногословность, гостеприимство и радушие.

Вышивка является очень важным элементом декора костюма северных и южных удмуртов. Она присутствует в каждом регионе. В основном, вышивка сохранилась только как украшение праздничного костюма.

Помимо этого, на костюмах могут присутствовать удмуртские обереги дома, семьи, вышивка удмуртских орнаментов.

Изучая историю Удмуртии, фольклорные коллективы стараются восстановить древнее ремесло вышивки на национальных костюмах в современной жизни. Своими выступлениями, своими костюмами с удмуртской вышивкой участники коллектива повсеместно призывают молодое поколение использовать вышивку удмуртов в своей одежде.

Молодое поколение интересуется культурой удмуртского народа, часто посещает его праздники и различные национальные мероприятия.

Литература

Лебедева С. Х. Удмурт калык пужыятон = Удмуртская народная вышивка.

Молчанова Л. А. Орнамент удмуртской традиционной одежды .

Виноградов С. Н. Терминология удмуртских народных узоров / С. Н. Виноградов // Проблемы изучения народного искусства.

*Главатских К.,
учащаяся МБУ ДО « Детская
художественная школа» г.Глазов
Руководитель: Шикалова Т. В., преподаватель*

Ювелирное искусство Удмуртии

Ювелирное мастерство берёт свои истоки в эпохе энеолита. Люди начали использовать в качестве нового сырья первый металл – медь. Сначала изделий из этого материала было очень мало, но постепенно они становились более многочисленными и разнообразными. Многие вещи выполнялись таким способом как ковка (кольца, гривны, браслеты). Уже на стадии формирования металлообработкой занимались особые группы людей - ремесленники, т.к. процессы требовали определенных знаний и умений.

В бронзовом веке населением было освоено искусство получения неизвестных в природе сплавов – бронз. Стали изготавливать качественно новые формы украшений – подвески, браслеты, перстни, разнообразные накладки, пояса...Всё это было неотъемлемой частью.

За сменой бронзового века железным видят, как правило, кардинальные изменения в области металлургии и металлообработки, приведшие к вытеснению меди и бронзы железом. Но железо должно было пройти долгий путь совершенствования технологий, поэтому украшения по-прежнему изготавливаются из бронзы. В этом веке выявлена тенденция к увеличению числа подвесок (в виде бронзовых трубочек, конусов, колокольчиков, проволочных колец; в виде знаков вопроса, листовидной, петельной формы). Они прикреплялись к головной повязке или нижней части шапочки. Грудь закрывала крупная бронзовая бляха со штампованным орнаментом, реже - отлитые из бронзы изображения птиц и фантастических существ. Шею женщины украшали гривнами, ожерельями из бусин, медных подвесок и бляшек. Руки - перстнями, кольцами, браслетами.

В эпоху раннего Средневековья (конец V — середина XI веков) среди металлических украшений особенно многочисленны височные подвески и серьги, которые носили женщины, мужчины и дети по одной или по обе стороны. Форма серег разнообразна: от очень простых-проволочных, загнутых в виде круга, овала или треугольника, до сложнейших- полых, с различными привесками и дополнениями.

Широкое распространение получили шумящие подвески. Они состояли из плоской, объемной, гладкой или ажурной основы-щитка и колокольчиков, прорезных бубенчиков, лапок, прикрепленных к ней на

цепочках. Встречаются легкие ажурные подвески с треугольной или округлой основой из плетенки, украшавшие виски и пояс.

Среди нагрудных украшений особенно красивы нарядные ожерелья из нескольких низок разноцветных стеклянных бус. Они дополнялись подвесками из серебряных восточных монет, а также бусами-привесками из бронзы или серебра, сердолика, хрусталя. Широко использовались бронзовые и серебряные гривны, браслеты, перстни.

Но наиболее ярким, организующим элементом костюма был кожаный пояс-ремень. Считают, что он являлся своеобразным паспортом дружинника, указывающим на его положение в военной иерархии. Женские пояса дополнялись наборными шумящими подвесками, гребнями.

В эпоху развитого Средневековья верхняя одежда скреплялась бронзовой фибулой, которую, как правило, носили в области груди, ниже подвеса. Мужчины носили височные подвески и серьги, изредка встречаются железные браслеты, бронзовые подвески-колбочки, которые использовались как украшения и застежки. Традиция украшения женского пояса металлическими украшениями не сохранилась (их заменили тканые пояса со специфической вышивкой).

В конце XIX-начале XX века в Удмуртии из поколения в поколение передавалось ожерелье, монисто, включающее в себя серебряные монеты от Павла до Николая II.

Интенсивное развитие ювелирного ремесла подтверждают находки кладов украшений на городище Иднакар. Один из них представлял из себя берестяную коробочку с бронзовыми украшениями-полным комплектом женского убора: коньковыми шумящими подвесками, полыми уточками, перстнем с шумящими привесками, накладками с ложной зернью, привесками-колокольчиками, полыми бубенчиками.

Богиня шунды-мумы. Весьма эффектно серебряные с позолотой кольцевидные височные подвески с грушевидными привесками, украшенные по поверхности пирамидками зерни и имитацией скани. В течение столетий детали этих украшений менялись. Некоторые варианты напоминают женскую фигурку с приподнятыми руками. Хорошо просматриваются голова, увенчанная зернью, грудь, талия, стянутая широким поясом-ремнем, расширяющееся книзу платье. Окаймленная сканью нижняя часть кольца представляется приподнятыми руками, верхняя- небесным сводом с солярным символом. Стройная вытянутая фигурка женщины исполнена спокойствия, величия и некоторой загадочности. Она вся усыпана

крохотными треугольниками и пирамидками зерни, в расположении которых можно проследить отдельные украшения костюма того времени. В научно-популярной литературе эта подвеска получила название - шунды-мумы, отражающее образ матери-солнца. Согласно утверждениям этнографов, в удмуртских преданиях она является олицетворением солнца, его живительного света и тепла, призвана заботиться о том, чтобы солнце светило, вовремя всходило и заходило. В некоторых преданиях шунды-мумы движется перед солнцем, указывая ему дорогу. Богине шунды-мумы как подательнице света и тепла, хранительнице от несчастий и болезней с приходом весны, а позднее на Пасху и при эпидемиях удмурты приносили в жертву белую овцу, гуся, в некоторых районах - белую лошадь.

Трудно проникнуть в глубины содержания, вложенного древними мастерами в это украшение. Не исключено, что наряду с древнеудмуртскими верованиями, связанными с образом шунды-мумы, подвеска таит в себе более универсальный смысл, воплощая представления народа о мироздании, отражая первобытно-философские размышления о движении Солнца вокруг Земли.

Коньковая подвеска. Большой интерес представляет шумящая подвеска с двумя конскими головами, смотрящими в противоположные стороны. Головки выполнены в реалистичной манере: небольшими выступами отмечены уши, глаза - углубленным контуром, рот приоткрыт, грива обозначена длинными насечками. В верхней части - ушко для подвешивания. В центре основы - отверстие в форме замочной скважины, поверхность по сторонам и внизу покрыта орнаментом в виде мелких рельефных прямоугольников. В нижней части основы имеются круглые отверстия для крепления привесок. Они, в свою очередь, выполнены из цепочек, на концах которых ромбические формы (стилизованные «утиные лапки» - символ берегинь). Число шумящих подвесок достигало шести. Образ коня служил оберегом, символом богатства, плодородия и счастья. Некоторые исследователи рассматривают удвоение голов как усиление охранительного значения: двуглавые кони оберегают владельца от злых сил со всех сторон.

Интересен тот факт, что существует разная интерпретация образа коня - и негативная, и позитивная. У удмуртов встречается лишь положительная: конь - это друг человека, символизирует так же интеллект, мудрость, ум, рассудок. Конь - это символ мощи, жизненной силы. С конём связаны все тяготы жизни удмуртов, конь был помощником в сельскохозяйственных работах, на нём пахали, перевозили тяжёлый груз, убирали сено.

Бабочковидная застёжка фибула. Первое общее впечатление от узора щитка этих фибул- имитация тела и крыльев бабочки, что послужило причиной их современного названия- бабочковидные. Декоративное пространство щитка разделено на три части: центральное поле (чаще прямоугольной формы, у ранних образцов оно намечено точками или линиями) и зеркально симметричные друг другу по двум осям боковые поля. Декор присутствует на каждом из смысловых полей и представляет собой геометрические знаки, расположенные на щитке фибулы в разных комбинациях. В роли декоративных элементов- точка, «полугорошина», линия, пластина. Эти элементы всегда объёмны и выступают над плоскостью щитка либо, наоборот, утоплены в нём.

Возможно, в декоре застёжки выражены представления древних о космогоническом устройстве вселенной в виде трехчастной модели мира, что находит свои аналоги в мифологии и этнографии удмуртов.

Со второй половины XIX века самым любимым украшением южных удмуртов становятся серебрённые монисты. Серебряные монеты нашивались на холщёвую ткань, вплотную прилегая друг к другу. В результате получался сплошной серебряный каскад, окаймленный разновеликими цепочками с нанизанными на них медными монетами. Верх такого нагрудного украшения был зашит бусами, облагороженными матовым цветом красно-коричневых кораллов (красный- цвет солнца, символ борьбы, крови и братства). Изделие играло роль талисмана - оберега, защищавшего от «дурного глаза». Монисто передавалось от матери старшей дочери. Остальные должны были сделать сами.

Первое, на что я всегда обращала внимания, глядя на женский удмуртский костюм, это нагрудник с множеством монет. Трудно оторвать взгляд от ожерелья. Под впечатлением увиденного, я решила создать собственное монисто. За основу своего будущего изделия я взяла монисто реставратора удмуртских костюмов А.Четкарёва.

Для изготовления монисто потребуется: монеты разного достоинства(перед началом работы их необходимо просверлить), карабин, декоративная цепочка, плотная ткань, декоративная лента, бисер красно-коричневого и золотого цвета, белые пуговицы, нитки, кусачки.

Этап 1. Традиционно начинаем с эскиза. Поскольку монисто носило не только оберегательную, но и эстетическую функцию, оно должно быть роскошным и говорить о богатстве хозяйки. Моё украшение будет состоять из трёх уровней:

1. Чокер - основной поддерживающий элемент колье.

2.Колье, закрывающее декольте. На него приходится основное внимание, поэтому оно должно быть наиболее «богатым», с традиционной для удмуртов массивностью.

3. Два ряда цепочек с привесками в виде монет с наименьшим размером.

Этап 2. Начнём с 1 уровня, то есть чокера. Отрезаем кусок ткани по полукругу. Декоративной лентой обрабатываем края по ширине и верхней длине. Нижняя длина остаётся для соединения с 2-ой частью монисты. Пришиваем декоративные детали в следующем порядке сверху вниз: ряд красно-коричневых бусин, ряд пуговиц, повтор 1-го ряда, затем 2 ряда золотых бусин.

Этап 3. Пришиваем декоративные цепочки к чокеру, предварительно дополнив их привесками, состоящими из короткой цепочки с монетками наименьшего достоинства.

Этап 4. Цепочку небольшой длины пришиваем к одному из верхних углов чокера, а цепочку с карабином - к другому.

Монисто готово! Чем ярче монисто блестит, чем громче звенит, тем надежнее защищает человека, тем лучше отпугивает от него злых духов.

Национальная одежда, являясь внешним маркером этноса, создаёт первое зрительное впечатление о человеке. А традиционные черты украшений рассказывают о принадлежности хозяина или автора к тому или иному народу. Превратить традиционные украшения в модный тренд удалось дизайнерам из Удмуртии.

Polina Kubista Studio. Пожалуй, это самый известный бренд одежды в Удмуртии. Основала его Полина Степанова под псевдонимом Кубиста (с удм.- капуста), который отображает её любовь к многослойной одежде. Изюминкой в коллекциях Полины стали многослойные накладные воротнички. Так дизайнер оновила старинное украшение из монет- монисто, которое стало оберегом для древних удмурток. Её воротнички - это стильный аксессуар, с помощью которого можно создать запоминающийся модный образ. Ряды цветных пуговиц, имитирующих монисто, стали узнаваемой деталью дизайнера. Съёмные воротнички подходят под любой элемент гардероба, превращая простую футболку, блузку, джемпер или платье в симпатичный удмуртский наряд.

Вера Кузнецова. Ещё один известный в республике дизайнер, которая прославилась как автор сценических костюмов для фольклорных ансамблей. Вера также создаёт стилизованные украшения: нагрудник, украшенный серебряными монетами, ожерелья, украшения на голову.

Просматривая группу Polina Kubista Studio в социальной сети Вконтакте, я увидела фотоальбом с украшениями, сделанными в этнической мастерской. «Ибырь-весь», что с удмуртского переводится как «обережные бусы». Художники создают уникальные изделия на основе мотивов славянской, финно-угорской и болгарской мифологии. Все работы выполнены из меди и ювелирной цветной эмали. Каждое изделие выполнено исключительно вручную и обладает своим смыслом в древней символике предков. Мастера не только воссоздают аутентичные произведения, но и интерпретируют старинные мотивы на современный лад. Работы выполнены в технике горячей перегородчатой эмали, которая добавляет изделию цвета, превращая его в красивый цветок. Динамику эмали придаёт её блеск и переливы. Мастера «Ибырь-весь» владеют всей цветовой палитрой, но, чтобы передать ощущение именно удмуртского характера, используются цвета народного костюма - чёрный, белый, красный. Эти цвета придают украшению особое символическое значение, в отличие от более декоративного решения с помощью остальных цветов. Среди украшений с удмуртскими национальными чертами я встретила шумящую, коньковую, птичью подвески.

Активно изготавливают из серебра ювелирные украшения с традиционными удмуртскими чертами мастера магазина-ателье «Этно-мода». Они представляют зоомформные украшения: кольцо, броши и фибулы, кольца и браслеты. Рассматривая такие изделия, невольно хочется стать обладателем одного из этно-украшения, сочетающего в себе историю и современность.

Для того, чтобы определить национальные черты удмуртских украшений на всемирном поприще ювелирных изделий, я просматривала множество страниц и журналов в интернете. Гривны можно узнать, выбирая воротник себе на рубашку или свитер. Они сохранили плоскую, жесткую форму из металла в виде полукруга. Некоторые кулоны на длинном шнурке напоминают шумящие подвески: их основа - круглая или треугольная форма, а понизу подвешены привески с завершающим акцентом (у удмуртов это были утиные лапки). Модели серёжек с шариками выглядят модно и эксклюзивно. Кольцевидные серьги с драгоценными камнями отражают истоки удмуртских серёг с напускной бусиной. Калачевидные серьги встречаются крайне редко.

Браслеты в несколько оборотов, характерные для удмуртов, в современной моде представлены в виде загнутого гвоздя.

Из всего разнообразия ювелирных украшений в моде за пределами своего региона, мне было трудно найти изделия,

напоминающие удмуртские. Только взглядываясь и изучая новые драгоценности, можно уловить отдаленные черты национальных традиций удмуртских украшений.

Литература

1. Под ред. М.Г.Ивановой, История Удмуртии: С древнейших времен до XV века, Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2007
2. М.Г.Иванова, История Удмуртии: С древнейших времен до XIII века: учебник для 6 кл. общеобразовательных учреждений, Ижевск: Удмуртия, 2012
3. Т.М. Сабирова Изучение декора бабочковидных фибул среднего Прикамья, Вестник удмуртского университета, 2014
4. <https://lady.mail.ru/article/486682-ne-lykom-shity-na-chto-sposobny-dizajneriy-iz-udmurtii/>
5. <https://vk.com/polinakubistastudio>
6. <https://vk.com/ibyrves>
7. <https://vk.com/ethnomoda>
8. <http://tehne.com/node/470>
9. http://www.topgrant.ru/product_info/40932/
10. <http://www.vplate.ru/sergi/kongo/>
11. <http://woman-space.ru/fashion/accessories/7667/>
12. <http://www.justlady.ru/news-164432-cartier-gnut-gvozdi-v-dva-oborot-anovinki-kultovoy-kollekcii-juste-un-clou> <http://www.bestreferat.ru/referat-32550.html>

Отображение истории Удмуртии в произведениях изобразительного искусства

В XIX веке наш край был ещё сельскохозяйственным, поэтому живописцев привлекала природа Удмуртии. Доказательством этому служат пейзажи Ивана Ивановича Шишкина. Свежая, недавно распаханная ижевская целина давала необычно богатый урожай именно в шишкинское время. На хлебных урожаях, собранных после истребления южных участков векового *"Ижевского леса"*, и разбогатели купцы Шишкины. Вятским, можно сказать, ижевским хлебом на рубеже XVIII—XIX веков Россия кормила не только себя, но и отправляла через Архангельский порт в Западную Европу. Картина художника «Рожь», по словам доктора филологических наук Михаила Гавриловича Атаманова, описывает южную Удмуртию. Именно так выглядели крестьянские нивы южных удмуртов Елабужского уезда Вятской губернии еще в конце XIX века, а одинокие, засыхающие сосны посреди поля — это остатки от былых великих лесов земли удмуртской — экологические памятники прошлых веков.

Многовековые традиции народного творчества – вышивка, вязание, ткачество, ковроделие и опыт русского реалистического искусства стали источниками изобразительного искусства Удмуртии.

Свое начало оно берет в начале XX века, еще до революции. Русские художники А.А.Сведомский, П.А.Сведомский, братья Беркутовы, которые кратковременно приезжали в Удмуртию, изучали быт и традиции удмуртов и создавали картины, отражающие дореволюционную Удмуртию. Об этом свидетельствуют произведения «Удмурт и удмуртка с гусями в своей избе на досуге» (1910) - художник А.П. Беркутов, а также гравюра А.В.Быкова «Панорама ижевского завода» (1917). Таким образом, можно видеть, что наряду с традиционным крестьянством в начале прошлого века в старый город пришла промышленность.

Жители Удмуртии принимали активное участие в революционных событиях и гражданской войне. Об этом говорят нам работы зодчих и архитекторов того времени. В 1920-1922 годах на братской могиле участников революции и гражданской войны, на Красной площади Ижевска, был сооружен мемориал, увенчанный эмблемой Российской Федерации (архитектор Г.Ф.Сенатов).

Его отличает новаторское композиционное и градостроительное решение. В городах Удмуртии появляются первые памятники В.И.Ленину.

В начале XX века произошли огромные изменения в жизни России. В начале 20-х годов в Удмуртии стали открываться художественные школы и различные студии. Особо искренний, живой отклик на волнующие новые события действительности ощущался в работах **Николая Александровича Косолапова**. «Строительство Ижевска» (1934). В этой работе художник показал, как обновляется облик города, сметаются старые домишки, поднимаются новые кварталы, улицы покрываются асфальтом, появляется ковер широких газонов. В картине «Сенокос» Косолапов изобразил сцену сбора сена в удмуртской деревне. Все вокруг зеленое: два дерева с густой листвой стоят среди свежескошенной травы. Видно, что у сенокосцев перерыв: разложена скатерть с обедом. Сенокосец и ребенок присели в тени дерева, чтобы укрыться от летнего зноя.

В целом, произведения, созданные удмуртскими художниками в 20-30-е годы, за немногими исключениями, имеют сейчас историко-художественную ценность как материал, характеризующий первые шаги профессионального искусства Удмуртии.

Во время второй мировой войны и в период Великой Отечественной войны художники изображали на своих картинах военный и трудовой подвиг советского народа.

Тружеников тыла документально изобразил удмуртский художник **Косолапов Николай Александрович** в своей картине «Кекоранский обход». Около года прожил художник на стройке, создавая картину. Бережно хранятся многочисленные этюды и эскизы. На картине строители перевозят землю на тачках, грузят обычными лопатами, откалывают землю ломом и киркой. Художник вспоминает: «Я приехал в село Кекоран, не собираясь писать картину. Ночью в поезде, беседуя с крестьянами, работавшими на стройке, я почувствовал атмосферу, в которой жили эти люди, а утром, когда передо мной открылась панорама строительства, - решение созрело окончательно».

Позже ветеранов Великой Отечественной войны изобразил в своей работе «Ветераны Великой Отечественной войны из Удмуртии» **А.П.Холмогоров** (1974). Двухъярусная композиция дает возможность художнику ярче и глубже раскрыть индивидуальные черты каждого ветерана, показать разных, не похожих по облику и характеру людей, объединенных героическим прошлым. Общая приподнято-эмоциональная трактовка образов хорошо выявлена колоритом, построенном на насыщенных, но не ярких световых отношениях синего,

темно-зеленого, черного, серого, белого. В этом также читается мысль художника – найти внешне неброскую, но значительную красоту образов ветеранов. В произведении отчетливо виден каждый удар весомой кисти, видна отрывистая энергичная кладка то коротких, то протяженных точных мазков. И все это как будто на наших глазах превращается в живую плоть образов, придавая картине свежесть. Выразительна речь деталей: на столе военные фотографии в альбоме, стоит скромный букетик белых цветов, в глубине – пулемет, он естественно смотрится в комнате боевой славы, где собрались ветераны вспомнить былое.

Заметным явлением в развитии искусства 50-х годов имело творчество **Андрея Михайловича Сенилова**. Больше всего художника влечет пейзажный жанр, об этом свидетельствуют его слова: «Родившись в одном из глухих уголков Удмуртии, я с раннего детства полюбил самобытную, живописную красоту родного края, и основной темой своего творчества я избрал тему прославления родного края и его народа. Я часто выезжаю на этюды на берега Камы. Меня восхищает своеобразная красота этой реки, этого края в целом». Это восхищение скромной и по-своему разнообразной природой Удмуртии выражено во многих работах: «Приуралье» (1956), «Вечер на Каме» (1957), «Леса Удмуртии» (1958).

Таким образом, в 40-50-е годы расширяется тематический и жанровый диапазон искусства, главным образом, живописи Удмуртии. Проявляется интерес к истории своей республики, выявлению национальных особенностей современной жизни.

Новый этап в развитии изобразительного искусства Удмуртии наступает в 60-е годы. В 1959 году открывается художественно-графический факультет при УдГПИ. Это позволило пригласить в республику выпускников центральных вузов страны, которые приняли участие в организации факультета.

В живописи ведущими жанрами стали портрет и сюжетно-тематическая картина. Их развивал выдающийся мастер **Алексей Павлович Холмогоров** (1926-1987). Люди, которые становились героями его портретов, делали историю Удмуртии. Их профессии, их достижения говорили о том, что республика развивалась по пути прогресса в различных областях промышленности и сельского хозяйства, а также социальной сферы.

Картина «Ковровщица Дарья Курбатова» (1969). Здесь показана старейшая ковровщица, лауреат всероссийской выставки народного искусства, в домашней обстановке с внучками за любимым занятием – изготовлением ковра. С большой теплотой написано ее доброе лицо.

В красочной гамме полотна доминируют различные градации красного, подчеркнутые черными и белыми тонами струящихся ковровых узоров.

Портрет хирурга Черных (1970). Тишина кабинета. Врач изображен сидящим за столом. Фигура его в белом халате с холодными голубоватыми тенями занимает почти всю плоскость холста. Лицо чуть затенено. Внешне оно как будто спокойно. Он задумался. Но где-то в глубине глаз зреет мысль. Сама поза, живое движение рук, в которых ощущается скрытая сила, становится выражением духовных качеств врача.

«Оружейник Алексеев» (1967). На полотне изображен старый рабочий, девяностодвухлетний старик, сидящий в кресле. В неподвижной позе, в ясном взгляде глаз, в выразительном движении старческих узловатых рук., так много сделавших на своем веку, зритель словно видит всю многотрудную жизнь. Крупноплановое изображение фигуры на серебристо-сером фоне, акцентировка психологии героя придает образу значительность и монументальность.

Живопись звучная, красивая. Удачно найдены типы героев. В их обрисовке много человеческого тепла. Искренне, взволнованно показывает художник романтику труда.

Традиции народного художественного искусства оказали большое влияние на творчество **Семена Николаевича Виноградова**. Колорит его картин строится на излюбленных традиционных цветах народных вышивок. Это краски его земли, которые художник встречает повсюду: в природе и национальной одежде. Сюжет картин «Праздник весны» связан со старинным удмуртским обычаем торжественно отмечать приход весны. Нарядно и величаво выглядит группа крестьян в удмуртских одеждах на фоне пейзажа. Фигуры женщин поставлены несколько нарочито и не очень хорошо связаны с пространством. Но есть наивная прелесть в этих коренастых фигурах, в простодушных лицах. Типаж героев, их внешний облик точно соответствует представлениям народа о том идеале красоты, который нашел своё выражение в удмуртском фольклоре. Характерны жесты, манера держаться, в то же время они не условны, а взяты из жизни и поэтому убедительны.

Стремление емкими средствами раскрыть красоту окружающей среды характерно для **Николая Яковлевича Попова**. Своеобразие его пейзажей – в выборе мотива, по-новому показывающего сельскую природу и близких к ней людей. Оно и в уравновешенности композиции, в живописном строе, которому свойственна напряженная, насыщенная цветовая гамма.

Яркая красочность и эмоциональность цвета становятся главным средством в раскрытии художественной структуры образа удмуртской деревни в полотне «Вечер в деревне». В последних лучах заходящего солнца причудливо-синим видится мощный трактор, возвращающийся с поля. Сочетание синих, коричневато-зелёных, интенсивно-розовых тонов создаёт энергичную цветовую гамму. Сильная, контрастная в тоне и гармоничная в цвете живопись выявляет черты национальной архитектуры: коричневые крепкие срубы, нарядные охристые наличники, деревянную резьбу, украшающую ворота. Мощные пласты земли на горизонте, их как бы взаимное перетекание друг в друга, рождает чувство величественности и покоя, создаёт образ плодородной земли – вечного символа жизни.

Поэзия удмуртских городов воплощена в небольших графических листах **Виктора Николаевича Олюшина**. Дипломная работа положила начало серии «Виды Ижевска» (1970). Листы в технике линогравюры и офорта невелики по размеру, хорошо продуманы композиционно, декоративны. В них величие архитектурных памятников, спокойствие, традиционная для пейзажей неторопливая повествовательность и любовь к подробностям сочетается с интересом к человеку. Они останавливают внимание зрителя на случайных прохожих, заставляют всмотреться в невысокие домики и новые микрорайоны, хранящие жизнь незнакомых людей

С начала 80-х годов расширились взаимосвязи национальных искусств народов страны. Активизировалось взаимовлияние, взаимопроникновение элементов различных культур. Это благотворно сказалось на искусстве Удмуртии.

Правдивость чувств и жизненная достоверность характерны для искусства **Федора Прокопьевича Матанцева**. Любовь к природе делает значительным каждый мотив, выбранный им для изображения. Умение увидеть в ней поэзию, переложить чувство восторга на язык красок и заставляет зрителя воспринимать пейзажи как частицу того прекрасного мира, который нас окружает. Неиссякаемым источником сюжетов остаётся для него природа Удмуртии. Предметом изображения становится и весенний разлив реки («Весенний мотив» 1980), и первые проталины на косогоре («Апрельские проталины» 1977), и деревня с убегающей дорогой («Деревня Собино» 1985), и тихая гладь озера в летний день («На Родине» 1977), и крепко сбитые домики («Сумерки» 1981), и первый снег, мягко покрывающий землю («Стожок» 1980). Это будущий каждодневный мир сельского жителя, привычный и простой. Художник не ищет особых красот, необычных видов, эффектов. Его пленяет негромкая красота природы Удмуртии.

Доброе, проникновенное внимание к особенностям уклада деревенской жизни ощущается в графических работах **Веретенникова Владимира Ивановича**. Работы серий «Мое лето», «Северная ягода», «Времена года» передают его ощущение родной природы, уважительное отношение к спокойной, размеренной трудовой жизни земляков. Перед глазами зрителя возникают простые, обычные факты из повседневных житейских эпизодов, бытовых подробностей. Достоверность образов сельских тружеников сочетается с убедительной характерностью пейзажного фона.

Художники в своих картинах, выполненных в различных жанрах и направлениях, отражают историю и обычаи Удмуртии. Дореволюционные и послереволюционные события, становление молодой республики, развитие сельского хозяйства и промышленности, рост городов, строительство новых объектов. Кроме того, огромную роль играют детали: элементы удмуртских народных костюмов, обряды и традиции, которые позволяют увидеть самобытность удмуртского народа, его отличия от других народностей. Благодаря этому удмурты не теряют свою индивидуальность. Удмуртия изображена как республика, имеющая свою историю и будущее.

Литература

1. Матвеева Т.А. Художник Н.А. Косолапов. – Ижевск: Удмуртия, 1982. – 64 с.
2. Альбом репродукций. Удмуртия в изобразительном искусстве. – Ижевск: Удмуртия, 2001. - 143 с.
3. Поляк А.И. Изобразительное искусство Удмуртии. - Ижевск: Удмуртия, 1974. – 176 с.
4. <https://www.urmii.ru/index.php/kollektsii-muzeya/85-khudozhniki-udmurtii>
5. https://ru.wikipedia.org/wiki/Культура_Удмуртии

*Бегенева Е. Р.,
методист по музейно-просветительской работе
Тыловайского краеведческого музея*

Музей - хранитель духовной и материальной культуры своего народа

Тыловайский краеведческий музей в декабре 2017 года отметил свой 50-летний юбилей.

Добрым, гостеприимным взглядом (с фотографий на памятной доске) встречают посетителей у входа в музей Валентина Трофимовна и Ефим Савельевич Первушины. Тыловай - это их малая родина, горячую любовь к которой они пронесли через всю свою жизнь.

Благодаря неутомимому труду Валентины Трофимовны и Ефима Савельевича был собран богатейший краеведческий материал, позволивший открыть музей. А затем до конца своих дней они бережно хранили в его залах память народа.

Валентина Трофимовна, работая в библиотеке, загорелась историей малой родины. 40 лет посвятила любимому делу (17 июля 2017 года этой великой труженице исполнилось бы 95 лет). До последних дней музей был для нее родным домом.

Ефим Савельевич был учителем по военному делу, также вел уроки труда и черчения. Трудовой путь Ефима Савельевича был неразрывно связан с Тыловайской средней школой и музеем.

Даже выйдя на пенсию, продолжил работу в музее. Весь собранный материал был систематизирован им, переработан и донесен до посетителей в доступной форме. Его «золотыми» руками были оформлены залы музея.

Долгие 25 лет, до 1991 года, супруги Первушины работали на общественных началах, на личном энтузиазме, ничего не получая за свой труд... Создание музея – это их трудовой подвиг и память, оставленная потомкам.

Началом пути длиною в 50 лет стал 1967 год, а сбор первых экспонатов и материалов -1964 год. Валентина Трофимовна сумела увлечь школьников поисковой работой и перенести свою любовь к малой родине в их детские сердца.

Зимой велась подготовительная работа по изучению родного края. Летом во время каникул вместе со старшей пионервожатой Галиной Константиновной Воронцовой отправлялись в многодневные походы.

Неизгладимое впечатление в сердцах ребят оставили встречи с интересными людьми, беседы с ветеранами гражданской и Великой

Отечественной войн. В своих дневниках следопыты записывали воспоминания и рассказы очевидцев, собирали экспонаты.

В Воткинском районе, деревне Кукуи (колхоз «Мир») обнаружили корпус авиационной бомбы периода гражданской войны. За 75 километров ребята притащили эту махину на себе.

Юные следопыты прошагали сотни километров по Дебесскому, Шарканскому, Игринскому, Воткинскому, Якшур-Бодьинскому районам, Большесосновскому району Пермского края и Кировской области...

Шаг за шагом прошли по следам героических сражений Особой Вятской и 30-й Уральско-Иркутской дивизии, партизанского отряда Журавлева. Делали запросы в Удмуртский, Кировский, Пермский, Татарский, Латвийский государственные архивы, в архив Министерства обороны, центральный архив истории СССР. Использовали все возможности, чтобы больше узнать об истории прошлого нашего народа.

В 1965 году, собрав материал об организаторе Советской власти на селе Галичанине Александре Никитьевиче, руками детей был установлен ему памятник во дворе сельской библиотеки. Позже, в 90-е годы, памятник был перенесен на территорию новой школы.

Постепенно был собран материал о бойцах гражданской войны и установлена мемориальная доска на здании штаба Особой Вятской дивизии (материалы раздела «История малой родины»).

Когда собранные документы, многочисленные вещи, предметы быта и труда были приведены в порядок, и маленькое помещение детской библиотеки уже не вмещало собранного материала, тогда-то и возникла идея создания музея.

Так, 11 ноября 1967 года в одной из классных комнат школы состоялось его открытие. А через 3 года музеем было присвоено звание «Лучший школьный музей» республики. Казалось бы, и дальше ему процветать, но у музея судьба оказалась нелегкой: пришлось выдержать семь переездов.

Лишь в 1987 году в просторных залах первого корпуса школы нашлось место для всех экспонатов. В 1991 году музей стал филиалом «Музея истории Сибирского тракта». В 2004 году музеем вновь пришлось переехать, теперь уже в новое здание школы.

В фондах Тыловайского музея хранятся уникальные экспонаты: дамский кожаный корсет, деревянный токарный станок, утюг с трубкой, картина «Ожидание» нашего земляка Валентина Белых, авиационная бомба, сабли, части винтовок, штыки, буденовка красноармейца, письма с фронта и многие другие.

Десятки интересных коллекций: часов, нумизматики, утюгов, керосиновых ламп, обуви, одежды, посуды...

В бывших школьных классах размещены 3 музейные экспозиции.

Этнографический зал посвящен прошлому нашего края. Экспозиция воссоздает картину жизни удмуртов через предметы материальной и духовной культуры народа, традиционные занятия и ремесла, промыслы и обряды. Попадаешь в удивительный быт крестьянской избы. Удивляешься богатырской силе, уму, находчивости наших предков, умению создавать уют, украсить свой дом... Здесь представлены национальная одежда северных удмуртов 19-20 веков (праздничная и повседневная), вышивка, ткачество: нарядные скатерти, полотенца и покрывала, выполненные в технике бранного ткачества, орудия крестьянского труда, предметы быта, домашняя утварь, навсегда ушедшие из обихода. Особый интерес вызывает большая коллекция самой древнейшей обуви – лаптей.

В зале мы проходим круг времен, связанных с календарем занятий, обычаев и праздников, круг жизни человека от рождения до смерти.

Зал Боевой славы хранит память о подвигах земляков, участников гражданской и Великой Отечественной войн, их фотографии, фронтовые письма и воспоминания.

100 лет прошло с событий гражданской войны, оставившей кровавый след на территории нашего села. Материалы и предметы того времени явились первыми экспонатами музея. По следам Особой Вятской дивизии начались первые поиски. В зале хранятся награды, боевое оружие периода гражданской войны.

Великая Отечественная война. Более 700 односельчан ушло на фронт, и меньше половины вернулось живыми. Очень мало осталось свидетелей и участников тех страшных событий, поэтому сейчас особенно важно встречаться с людьми, пережившими войну, чтобы учиться у них главному - любви к Родине. "Без памяти о прошлом нет будущего у народа", - говорят мудрые мыслители. Мы записываем воспоминания ветеранов Великой Отечественной Войны и тружеников тыла, которые также ковали победу над врагом, собираем материал об участниках боевых действий.

Сегодня наш музей по количеству экспонатов является одним из крупнейших сельских музеев республики.

Один из разделов знакомит с трудным голодным военным временем, представлены продукты питания тех страшных лет: сушеные ягоды, грибы, травы, «хлеб» из липовых листьев...

Собран материал о детях войны: о тех, кто вместе с женщинами и стариками пахал, сеял и убирал урожай, строителях железной дороги Ижевск-Балезино, Тыловайском детском доме...

Экспозиция *История малой родины* рассказывает о возникновении Тыловая и первых поселенцах, о создании колхозов, МТС (машинно-тракторной станции), средней школы, больницы, всех организаций села, о выдающихся земляках.

Село Тыловой было основано в середине 18 века, в 1751 году на берегу небольшой речки, вытекающей из подлеска. Название села из двух слов Тыло (удм. подлесок, роща), вай (удм. приток реки), что в переводе с удм.— приток реки, вытекающий из подлеска.

В XVIII веке село быстро разрасталось и постепенно превращалось из уединённого починка в крупное поселение.

Тыловой богат традициями, богат замечательными людьми. Наши односельчане—герои гражданской войны, герои Великой Отечественной войны, офицеры Российской Армии, офицеры МВД, писатели, инженеры, строители, учителя, рабочие, колхозники...

Одна из выставок посвящена знаменитому земляку Г.М.Корепанову-Камскому, чье имя известно не только в нашей республике, но и далеко за ее пределами. Инициативной группой работников культуры села разработан проект по увековечению его памяти и открыт выставочный зал Геннадия Михайловича, который пополняется экспонатами и материалами, ведется работа над рукописями мастера. Раз в два года на родине композитора проводятся фестивали творческих коллективов.

В музее работают постояннодействующие экспозиции, оформляются новые тематические выставки в музее и за его пределами. Проводятся встречи и праздники, лекции и беседы. Музей живет не только прошлым, но и настоящим, собирая материал о сегодняшней жизни села и его тружениках...Фонды музея постоянно пополняются новыми экспонатами.

С 2005 года музеем руководит Елена Рудольфовна Бегенева. С этого же времени начал работу кружок «Музееведение», занимаясь в котором учащиеся продолжили традиции первых красных следопытов школы, стали главными помощниками в музейной работе. Ребята ведут поисково-исследовательскую деятельность, экскурсионную работу, обновляют экспозиции и оформляют новые выставки, активно участвуют в жизни музея и мероприятиях по краеведению. Ведется большая работа по оформлению материалов об истории края и его земляках. Готовится материал по истории школы к 140-летию юбилею.

Ежегодно музей посещает большое количество экскурсантов. Со дня его открытия более 90000 человек побывали здесь из разных уголков нашей страны (деревень, сел малых и больших городов), ближнего и дальнего зарубежья: Украины, Белоруссии, Казахстана, Татарстана, Франции, Германии, Сирии и Израиля...

Благодаря конно-туристическому маршруту, организованному в восьмидесятые-двухтысячные годы Юферевым Александром Аркадьевичем, сотни любителей верховой езды побывали в Тыловае и непременно посетили наш музей, который вызывает неизменный интерес у всех посетителей. Об этом свидетельствуют записи в книге отзывов. Вот лишь некоторые из них:

«Мы туристы – конники, посетив Ваш чудесный музей, испытали чувство радостного удивления, даже потрясения! Вы великая труженица, спасибо Вам большое за Ваш музей. Теперь мы на всю жизнь запоним чудесные экспонаты, демонстрирующие историю удмуртского народа. Мы унесем это в своем сердце, спасибо Вам большое. Успехов Вам в Вашем благородном деле, здоровья!!! *Группа туристов из Санкт-Петербурга, Казани, Ижевска.*

«От души благодарим за доставленное удовольствие! Этот музей нам дал больше, чем все академические музеи с их мертвыми экспонатами. А здесь все живое, несущее отпечаток светлой крестьянской души. Еще раз большое спасибо!!!» *Конные туристы из Ижевска, Перми, Казани, Сыктывкара*

«Большое спасибо энтузиастам – учредителям музея. Спасибо тем, кто работает здесь сейчас. Коллекции музея очень интересные, очень хочется надеяться, что они будут на воспитание уважения к родной культуре» - *Т.Г. Владыкина ведущий научный сотрудник Удм. Института истории языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук, доктор филологических наук. С.Е. Ложкина аспирант отдела фольклора.*

«Удивительно, как на энтузиазме людей держится музей и продолжается дело основателей музея. Очень интересная, самобытная экспозиция. Желаем Вашему музею процветания и пополнения новыми экспонатами» - *Туристы из Москвы, Н.Новгорода, Ижевска.*

«Впервые увидела великолепный музей своими глазами. Эти комнаты действуют, как катализатор чего – то святого, доброго, оазиса нравственности в наше беспокойное время. Мне очень приятно узнать, что здесь чтят память В.Т. Первушиной, которая в свое время заразила меня краеведческой болезнью. От себя лично и Дебесского землячества «Байгурезь» желаю жить!» *Надежда Лимонова.*

Юферева Е.,
учащаяся МБОУ «Тыловайская СОШ»
Руководитель: Бегенеева Елена Рудольфовна,
педагог дополнительного образования, учитель ИЗО

Эх, лапти, вы, лапти мои...

(по материалам исследовательской работы)

В этнографическом зале Тыловайского краеведческого музея представлена большая коллекция разных лаптей: детских и взрослых, женских и мужских, зимних и летних, праздничных и будничных... Коллекция натолкнула к поиску информации о лаптях: истории появления на Руси, о видах лаптей, как изготавливались, и кто занимался их плетением, лапти - как предмет народного костюма.

В начале XX века Россию еще нередко называли страной "лапотной", вкладывая в это понятие оттенок примитива и отсталости. Лапти традиционно считали обувью беднейшей части населения. И это неслучайно. Вся русская деревня, за исключением Сибири и казачьих районов, круглый год ходила в лаптях. А между тем, даже точное время появления лаптей в жизни наших далеких предков неизвестно по сей день.

Лапти — самая распространённая на Руси обувь, плетённая из коры дерева. Лапоть привязывался к ноге шнурками, скрученными из того же лыка, из которого изготавливались и сами лапти.

Первые упоминания о лаптях встречаются в документах X века, хотя сам кочедык – инструмент для плетения лаптей, находят в древних стоянках периода раннего железного века.

В письменных же источниках слово «лапоть», а точнее, производное от него – «лапотник» впервые встречается в «Повести временных лет» (в Лаврентьевской летописи): «В лето 6493 (985 год.), идее Володимерь на Болгары съ Добрынею съ уемъ своимъ въ ладьях, а Торки берегомъ приведе на конихъ, и победи Болгары. Рече Добрыня Володимеру: съглядахъ колодникъже в си въ сапозехъ, сим дани нам не даяти, поидем искать лапотников. И сотвори Володимерь с Болгары миръ ...» В другом письменном источнике эпохи Древней Руси, «Слове Даниила Заточника», термин «лыченица» как название вида плетеной обуви противопоставляется сапогу: «Лучше бы ми нога своя видети в лыченицы в дому твоёмъ, нежели в червлене сапозе в боярском дворе».

Интересную статью по истории лаптя опубликовал в Интернете современный Петербургский археолог А.В.Курбатов, который предлагает рассматривать историю лаптя не с точки зрения филолога,

а с позиции историка материальной культуры. В частности, исследователь пытается доказать, что плетеная обувь начала распространяться в России не ранее XVI века. А кожаные кочедыки, найденные при раскопках, по мнению автора статьи, могли использоваться для иных целей – для плетения коробов или рыболовных сетей.

Обратившись к искусству раннего периода, обнаруживаем, что самая ранняя миниатюра, где показан обутый в лапти крестьянин, - сцена пахоты из «Жития Сергия Радонежского», датируется началом XVI века. Еще в первом походе русских князей на Литву в 1205г. упоминается о дани в виде лыка. Именно тогда встречается слово – лычеца.

«И опять же, если вернуться к фрескам и картинам: чаще всего на них изображали знатных людей, а лапти считались атрибутом бедных деревенских жителей. Горожане же предпочитали носить кожаную обувь.

Меньше всего уделяется внимание описанию костюма простолюдина. В записях, датированных XVI веком, впервые упоминается о ремесленниках, специально занимавшихся плетением обуви, но возможно, что лапти еще раньше плели сами крестьяне» (Редичев С.)

Редичев С. знакомит с заметками западноевропейских путешественников, побывавших в России, в частности, немецкого дипломата барона Сигизмунда Герберштейна, посетившего Москву в 1517г. в качестве посла. В его записях есть гравюра, на которой изображены мужики, обутые в лапти.

У этнографов также нет однозначного мнения о времени распространения плетёной обуви и ее роли в жизни крестьянского населения Средневековья. Одни ученые сомневаются в древности лаптей, считая, что крестьяне ходили в кожаной обуви. Другие ссылаются на обычаи и поверья, говорящие как раз о глубокой древности лаптей, ссылаясь на обрядовое значение. Например, исследователь И.С.Вахрос описывает похороны уральских старообрядцев – кержаков, не носивших плетёной обуви, но хоронивших покойника обутом в лапти.

Делая вывод из вышесказанного, трудно поверить, что широко распространенные в раннем Средневековье лыко и кочедыки использовались лишь для плетения коробов и сетей. Думается, что обувь, изготовленная из растительного волокна и коры деревьев, была традиционной частью народного костюма.

Широкое распространение плетеной обуви породило невероятное разнообразие ее сортов и фасонов, зависящих, прежде всего, от сырья,

использованного в работе. А плели лапти из коры и подкорья многих лиственных деревьев: липы, березы, вяза, дуба, ракиты и т.д. В зависимости от материала и плетеная обувь называлась по-разному: берестяники, вязовики, дубовики, раkitники... Самыми прочными считались лапти из липового лыка, а самыми плохими — ивовые коверзны и мочалыжники, которые делали из мочала

Обувь плели не только из древесной коры, в дело шли и тонкие корни, а потому и сплетенные из них лапти назывались коренниками. Модели, изготавливаемые из полосок ткани и суконных покровок, называли плетешками. Лапти делали и из пеньковой веревки – курпы или крутцы, из пеньковых веревок и очесов - чуни, и даже из конского волоса – волосянники. Такую обувь чаще носили дома или ходили в ней в жаркую погоду. Чтобы укрепить и утеплить свои лапти, крестьяне «подковыривали» подошвы конопляной верёвкой. Ноги в таких лаптях не замерзали и не промокали.

Отправляясь на покос, обувались в лапти редкого плетения, не удерживающие воду, — рачки. Для работы по хозяйству удобны были ступни или отопки – подобие галош, плетёные из бересты, вовсе не имевшие обор. Зимние лапти плелись из толстого крепкого лыка. А в сырую грязную погоду носили лапти на деревянных колодках. (Это самые интересные лапти в коллекции Тыловайского музея).

На праздники деревенские молодые франтихи появлялись на людях писаных вязовых лаптях: полосы лыка у таких лаптей были узкими, и из них мастера выплетали красивые узоры. Вязовые лапти считались самыми красивыми. Их выдерживали в горячей воде, от этого они розовели. Такие вязовые лапти, красноватые семерики, одевали с чёрными шерстяными оборами, которые сразу выделялись на белоснежных праздничных онучах.

Удмурты так же надевали на праздник особые праздничные липовые лапти (золотистого цвета) тонкого плетения с цветными шерстяными оборами.

Таким образом, имеется своя классификация, лапотный ряд характеризуется разнообразием форм и фасонов, видами материалов и своим назначением в быту.

Техника плетения лаптей была тоже очень разнообразной. К примеру, великорусские лапти, в отличие от белорусских и украинских, имели косое плетение – «косую решетку», тогда как, в западных районах бытовал другой тип – прямое плетение, или «прямая решетка».

Если на Украине и в Белоруссии лапти начинали плести с носка, то русские крестьяне делали заплетку с задника. Так что о месте появления той или иной плетеной обуви можно судить по форме и

материалу, из которого она изготовлена. Например, для московских моделей, плетеных из лыка, характерны высокие борта и округлые головки (то есть носки). Северный или новгородский тип чаще делали из бересты с треугольными носками и сравнительно низкими бортами. Русские лапти плелись на правую и левую ногу.

У народов Поволжья: мордвы, чувашей, татар лапти по ноге не различались. Живя бок о бок с этими народами, русские и удмурты переняли их практичную обувь: когда изнашивался лапоть, другой можно было не выбрасывать. Носки этих моделей имели обычно форму трапеции.

Редко кто в крестьянской среде не умел плести лапти. Плели лапти мужчины и мальчики-подростки, это считалось исключительно мужским занятием; женщинам доверяли только «ковырять» подошвы. Умение женщины сплести хороший лапоть вызывало недоверие мужиков и особое уважение баб-односельчанок. Обучать мальчиков плетению лаптей начинали уже в 7 – 8 лет. К десяти-двенадцати годам подросток мог сплести лапоть не хуже взрослого. В зимнее время готовили лапти для всей семьи на весь год, пар по 5 – 6 каждому.

Для изготовления одного лаптя требуется пять - семь полос лыка по два метра длиной каждое. Ширина одного лыка равна примерно ширине большого пальца на руке мужчины, который сам заготавливал лыко и плёл лапти.

Существовали артели плетенщиков, которые отправлялись в лес целыми партиями. За десятину липового леса, арендованного у помещика, они платили до ста рублей. Снимали лыко специальным деревянным пырком, оставляя совершенно голый ствол. Лучшим считалось лыко, добытое весной, когда на липе начинали распускаться первые листочки, поэтому чаще всего такая операция губила дерево. Отсюда пошло выражение "ободрать как липку".

Тщательно снятое лыко затем завязывали по сотням в пучки и хранили в сенях или на чердаке. Перед плетением лаптей лыко в течение суток обязательно отмачивали в теплой воде. Затем кору соскабливали, оставляя луб. Из воза лыка получалось приблизительно 300 пар лаптей. Плели лапти от двух до десяти пар в день.

Для плетения лаптя нужна была деревянная колодка и костяной или железный крючок — кочедык (по-удмуртски сиктан). Особого навыка требовало плетение запятника, где сводились все полоски лыка. Связать петли старались так, чтобы после продержки обор, лапоть не кривился и не перекашивался на одну сторону.

Есть легенда, что сам Петр I учился плести лапти и что сплетенный им образец хранился с реди его вещей в Эрмитаже еще в

начале прошлого (XX) столетия.

Лапти плелись не во всех областях России, они были товаром или предметом меновой торговли. Не плелись лапти в деревнях, где население занималось гончарным или кузнечным ремёслами.

Лапти были распространены не только у восточных и западных славян, но и у некоторых неславянских народов лесной полосы — финно-угров и балтов, у части германцев.

Даже для зажиточного крестьянина сапоги оставались роскошью, их надевали лишь по праздникам. Своеобразный знаковый смысл кожаной обуви для крестьянина подчеркивает писатель Д.Н. Мамин - Сибиряк: «Сапоги для мужика самый соблазнительный предмет... Никакая другая часть мужицкого костюма не пользуется такой симпатией, как именно сапог».

Кожаная обувь ценилась не дешево. В 1838 году на Нижегородской ярмарке пару хороших лыковых лаптей можно было купить за три копейки, а самые грубые крестьянские сапоги стоили не менее пяти-шести рублей. Для крестьянина-земледелца это большие деньги, чтобы собрать их, нужно было продать четверть ржи (одна четверть — это 210 литров зерна).

Дешевизна, доступность, лёгкость плетеной обуви не требует доказательств. Другое дело - лапти имели очень малый срок службы. Зимой они изнашивались за десять дней, после оттепели — за четыре, летом, в страдную пору, — за три. Собираясь в дальний путь, с собой брали не одну пару запасных лаптей. «В дорогу идти — пятеры лапти сплести», — гласила пословица. А у шведов было выражение «лапотная миля» — расстояние, которое можно пройти в одной паре лаптей (одна старорусская миля равна 7 верстам или 7,5 км.).

Сколько же требовалось берёсты и лыка, чтобы столетиями обувать целые народы? Простые подсчёты показывают: если бы люди усердно рубили деревья ради коры, березняки и липовые леса исчезли бы ещё в доисторическую эпоху. Но трудно предположить, чтобы наши предки, с почитанием относившиеся к деревьям, поступали столь душегубски. Всего вероятнее, они владели различными способами брать часть коры, не губя дерева.

Столетиями лапти являлись основной обувью крестьян, еще в середине прошлого века (в трудные послевоенные годы) «деревня» ходила в лаптях.

Вот как вспоминает моя бабушка, Юферева Алевтина Кирилловна, которая испытала трудное военное и послевоенное детство: «В нашей большой многодетной семье плетением лаптей занимались мужчины. По весне заготавливали липовое лыко, которое

хранили в пучках до зимы на сеновале. С завершением всех полевых работ, наступала пора плетения лаптей. Долгими зимними вечерами хватало времени, чтобы «обуть» всех детей. На грязную погоду к лаптям подшивались деревянные колодки, чтоб ребята могли ходить в школу, не промолив ноги. Тятя сам плел лапти и научил младшего сына Капитона, который стал умелым мастером. Меняли лапти и на продукты, чтоб прокормить большую семью. Все свое детство я проходила в лаптях, до 8 класса – это была основная обувь, так как кожаная обувь была очень дорогой. Только когда пошла учиться в Дебесскую школу, у меня появились брезентовые ботинки.

Сегодня лапти можно увидеть в музее, на прилавке сувенирного магазина, а также часто встречается как элемент народного костюма в фольклорных ансамблях и на театральных сценах.

В нашем музее есть лапти, подаренные мастером – плетенщиком Андреевым Валентином Павловичем, родом из деревни Ст. Кыч. Сегодня он проживает в Москве, но ежегодно приезжает на малую родину для заготовки лыка. Плетет мастер и сегодня, его лапти можно встретить в Московских музеях (со слов мастера) и в домах людей, интересующихся старинной обувью. Его изделия – сувениры народной культуры - «уехали» и за границу.

С лаптями в русской деревне было связано много различных поверий. Принято было считать, что старый лапоть, подвешенный в курятник, предохранит кур от болезней, будет способствовать яйценоскости птиц. Считалось, что корова, окуренная после отела из лаптя, будет здорова и даст много молока. Лапоть с уложенной в него травой-мокрицей, брошенный во время сильной засухи в реку, вызовет дождь и т. д.

Лапоть играл некоторую роль и в семейных обрядах. Так, например, по обычаю, вслед свахе, отправлявшейся сватать, бросали лапоть, чтобы сватовство было удачным. При встрече молодых, возвращавшихся из церкви, ребяташки поджигали лапти, набитые соломой, чтобы обеспечить им богатую и счастливую жизнь, предохранить их от несчастий.

Лапти — один из важнейших символов традиционного национального быта. Отсюда появились выражения в русском языке:

- «лапоть» обозначает простака, необразованного человека;
- производное прилагательное «лапотный» в том же значении;
- «(Чай,) не ла́птем щи хлеба́ем» означает «мы учёны, не надо нам пояснять да указывать»;

- шутовское выражение «плюс-минус лапоть» в науке означает «плюс-минус неизвестная величина».

Пословицы и поговорки:

Жениться — не лапоть надеть.

Лапти подковырки не стоят.

Это — как лапоть сплесть.

Не учась (не умеючи) и лаптя не сплетешь.

Лапоть знай лаптя, а сапог сапога!

И мы не на руку лапоть обуваем.

Не берись лапти плести, не надравши лык.

В дорогу идти, пятеры лапти сплести.

Путает, словно кашу в лапти обувает.

Станешь лапти плесть, как нечего есть.

Одна нога в лапте, другая в сапоге.

Не осуди в лаптях сапоги в санях, говорит гость шутя.

Это не лапоть сплесть, не вдруг сделаешь.

Сейчас лапоточки используются, как обереги жилища. Обычно ими украшают кухню, от этого наш дом становится уютнее и теплее. Сувенирные лапти используют и на свадьбах. Лапти всегда ходят парами – оттого свидетельствуют о прочности семейных связей.

Таким образом, лапти были неотъемлемой частью русского народного творчества и художественной культуры.

Литература

1. Панкеев И. Обычаи и традиции русского народа. / И. Панкеев. – М. : Олма - Пресс, 1999. - С. 71
2. Русская изба, Иллюстративная энциклопедия, - СПб : Искусство, СПб, 2001.-С. 437.
3. Редичев С. История с лаптями. / Редичев С. - 2000, № 6.
4. Редичев С. Не учась и лаптя не сплетешь. / Редичев С. - 2001, № 1.
5. Этимологический словарь русского языка для школьников. Екатеринбург: У - Фактория, 2004, - С. 211

Список информаторов, цитируемых в работе (ПМА):

Юферева Алевтина Кирилловна, 1937г.р, уроженка деревни Кезьвырь Дебесского района УР, удмуртка, образование высшее, пенсионерка. Проживает в селе Тыловой. Информация собрана весной – летом 2017г.

Корепанова В.,
учащаяся «МБОУ Тыловайской СОШ»
Руководитель: Бегенева Е.Р.,
педагог доп. образования, учитель ИЗО

Встреча весны в обычаях и традициях моего народа

Наши древние предки занимались земледелием, насущный хлеб и другие средства к существованию давались им тяжким трудом, от урожая зависело благополучие семьи. Люди поклонялись грому, солнцу, месяцу, почитали камни, водоемы, деревья. Они истинно верили, что все, что окружает человека, одухотворено, наделено жизненной силой, способно помогать или препятствовать, причинять зло или доставлять радость. Поэтому в жизни человека было много обрядов и обычаев, связанных с обращением к природе.

Традиции и обычаи русских.

На Руси всегда очень серьезно относились ко времени, предшествующему лету – красавице Весне. Весну всегда ждали, встречали, закликали, гукали, чтобы пришла она с теплом, с доброй погодой, с хлебом, с богатым урожаем.

Весну закликали несколько раз. Зачастую заличку Весны в первый раз начинали тогда, когда это показывала сама природа: снега тают, с крыш капает, птицы прилетают и начинают петь по-весеннему. Но, тем не менее, существуют даты, которые считаются для залички наиболее подходящими. Одна из таких дат – 22 марта, когда отмечали день Жаворонка. В этот день звали-закликали Весну второй раз.

Этот день совпадает с астрономическим днем весеннего равноденствия, когда длина светлого времени суток равна длине темного. Считалось, что с этого момента свет и тепло начинают прибывать, а тьма и холод уходить... Говорят, что птицы приносят на своих крыльях настоящую, теплую весну. У русских повсюду существовала вера в то, что 22 марта из теплых стран прилетают сорок разных птиц, и первая из них – жаворонок или кулик.

Праздник встречи Весны проводили у обрядового деревца, которое украшали лентами, бумажными цветами, колокольчиками. Обрядовое дерево носили по селу, чтобы украсить его мог каждый, а потом украшенное дерево приносили туда, где весну кликают.

Чтобы приблизить приход весны, хозяйки в этот день пекли из пресного или кислого теста птичек – «жаворонков», которых называли детьми или братьями перелетных птиц, их рассаживали на проталинах, крышах, деревьях и стогах.

Печеных птах посылали родным и близким, чтобы весна, свет и тепло пришли и к ним. Птичек раздавали детям, и те с криком и смехом бежали закликать жаворонков, а с ними и весну. Для этого печеных жаворонков насаживали на длинные палки и выбегали с ними на пригорки или насаживали птичек на шесты, на плетень, подбрасывали кверху и выкрикивали песенки - заклички. Играли в старинную игру «Ручеёк», символизовавшую таяние снега. Нужно встать парами, взяться за руки и поднять их вверх, чтобы получился ручеёк. Под пение (музыку) ведущий входит в ручеёк и выбирает себе пару. Кто остался один, тот и водит, выбирая себе, кого захочет.

Ещё один праздник, связанный с птицами, приходится на 7 апреля, когда Весну звали в третий (последний) раз – это обряд отпускания птиц на волю

На Руси весну ждали с большим нетерпением и верили, что ускорить приход её могут птицы. Поэтому издревле существовал такой красивый обычай в этот праздник отпустить птиц на волю, чтобы вместе с птицами полную свободу от зимы обрела и природа, чтобы вместе с вольной жизнью и звонким пением птиц в свои права полностью вступала весна.

«Исстари на Руси заведено, чтобы в этот день освободить птиц на волю. В Москве этот обряд (совершался) ... против Охотного ряда. Сюда с утра приходит народ, покупает птиц и своими руками выпускает их из клетки на волю. Прежде на исполнение этого обычая стекались со всех сторон, и только одна темная ночь прекращала сборище» - (Степанов Н.П. Народные праздники на Святой Руси).

Выпуская птиц приговаривали:

Синички-сестрички,
Тетки-чечетки,
Краснозобые снегирюшки,
Щеглята-молодцы,

Воры воробы!
Вы по воле полетайте,
Вы на вольной поживите,
К нам весну скорей ведите!

А какие же обычаи были в удмуртских деревнях?

Важное место в жизни удмуртской деревни играли календарно-обрядовые праздники. Они связаны с важнейшими этапами сельскохозяйственных работ. Они приурочивались к поворотным периодам природного календаря: к дням зимнего и летнего солнцестояний, весеннего и осеннего равноденствий (что отмечается и у русских). Праздники включали обрядовые действия, молитвенные и песенные заклинания, гадания, благопожелания и различные развлечения.

«Народные праздники раскрывали устно-поэтическое,

музыкальное, хореографическое, декоративно-прикладное и другое творчество. Они выполняли развлекательную и воспитательную функции, приобщая подрастающее поколение к установившемуся укладу жизни, эстетическим взглядам народа, морально-этическим нормам поведения.

Обряды и праздники группируются по сезонам года.

Весенне-летний цикл связан с подготовкой и проведением земледельческих работ и нацелен на обеспечение хорошего урожая. Основу осенне-зимних обрядов составляли благодарственные праздники в честь собранного урожая и утверждения дальнейшего благополучия» - («Праздники и обряды». Загребин А.Е.).

Многочисленными обрядами сопровождалось весеннее пробуждение природы и начало года земледельца. Одни обряды имели очистительный смысл, другие – должны были способствовать росту хлебов, размножению скота. Яркие гулянья удмурты устраивали в конце долгой зимы, с поворотом солнца на весну. Это Пёртмаськон - ряженье, Йё келян - проводы льда, Гуждор - проталинка, Гершыд - праздник плуга, Гырон Потон (праздник первой борозды)... Во время этих праздников - обрядов люди готовились к весеннее - летней страде. И стар, и мал участвовали в этих мероприятиях. Радостно отмечали весеннее вскрытие реки, начало ледохода, а также появление первых проталинок, которые оглашались веселыми голосами, задорными играми и забавами детей.

Из всего этого можно сделать вывод, что в старину удмурты много внимания уделяли приходу весны, с которой был связан весь труд крестьянина, его благополучие, его будущее. Не зря в народе говорят: весна год кормит.

По воспоминаниям наших прабабушек и бабушек, живших в удмуртских деревнях, в детстве они играли разными самодельными игрушками: тряпичными, глиняными, деревянными, соломенными, берестяными... А самой необычной была «вкусная» игрушка, которая выпекалась из теста для встречи весны.

Вот что мне рассказала Алевтина Кирилловна Юферева: «Родилась я в маленькой деревеньке Кезьвыр (к сожалению, этой деревни уже нет) Дебесского района, в семи километрах от села Дебес. В большой многодетной семье нас было восемь детей. Жили, конечно, не богато, голодно было в военные и послевоенные годы... Самыми яркими воспоминаниями детства остался большой праздник Пасхи, когда мама пекла всем детям печенье в виде птичек. Печенье пекли не только для своих детей, но угощали всех соседских ребятешек. Собирались все в нашем доме, мама раздавала гостинцы – «птичек».

Птички были с глазками (ягодка рябины или черемухи) и украшались узорами

Стряпала мама из ржаной муки, так как другой не было, а семьи более зажиточные пекли из пшеничной муки. Но и это ржаное печенье (или пряник) было самым вкусным лакомством детства. Оно же было и игрушкой – вкусной игрушкой. В старину считали, что птицы приносят весну на своих крыльях. И мы, получив по вкусной игрушке, бежали на улицу играть и закликать весну. Покачаем птичек на ладошках и посадим куда-нибудь повыше: на плетень, на крышу или дерево, а сами нараспев весну закликаем:

Прилетайте, птички, скорей,
Приносите на крыльях весну теплую,
Гоните зиму холодную!

Наиграемся, весну покличем, а потом съедем вкусные подарочки, а крошки повыше на крышу забросим, а то птички не прилетят, и весна не придет».

А вот что рассказала другая жительница нашего села Нина Степановна Леонтьева: «Родилась я в деревне Верхний Шудзялуд Дебесского района, которая находится в четырех километрах от села Тыловой. В нашей деревне Пасха была также самым радостным праздником детей, прихода которой ждали всю зиму. Мама всем детишкам пекла вкусное печенье, оно символизировало приход весны. Стряпала из муки, какая была в доме, для своих детей и соседских. Но для мальчиков и девочек было разное печенье: оно отличалось по форме. Девочкам давали птичек со словами, что они полетят из дома, как птицы, и сошьют свое гнездо, выйдя замуж. Мальчикам же мама лепила печенье в виде веревки – косички и это означало, что мальчик остается в доме хозяином и должен создать прочную семью, как веревка. Взяв в руки свои вкусные игрушки, мы бежали играть на улицу. Собирались все на проталинках под окнами дома или в огороде и звали весну. На этом наши игры не заканчивались. Съев свои вкусные подарки, мы шли все дружно качаться на качелях в деревенский овин – большой молотильный сарай».

Это были забавы и игры детворы, а взрослые устраивали, гуляния, хороводы.

Живя в дружбе бок о бок, удмурты и русские перенимали друг у друга обычаи, традиции и обряды. Поэтому они кажутся немного похожими, но имеют и отличия. Из воспоминаний наших старожиллов села, птичек (жаворонков) пекли на Пасху, а не в День птиц.

Моя бабушка Екатерина Федоровна, учитель музыки и пения Тыловской школы вспоминает: «На уроках музыки, изучая темы о

фольклоре, мы с ребятами разучивали заклички для встречи весны. А сами в детстве по ручейкам спускали бумажные и деревянные кораблики, на которых писали свои пожелания и просьбы о приближении теплых дней. Это была любимая игра – соревнование детворы уже 20 века. Этот обычай (более поздний) сохранился до наших дней. А также ежегодно проводился праздник День птиц (существует и сегодня). К этому дню долго готовились, мальчишки делали скворечники. Проводился конкурс на лучший скворечник. В этот праздник весело играли, зазывали весну, приветствовали птиц, а в завершение птичьи домики развешивали на деревьях в селе, деревне и в лесу».

Игра «Ручеек», сопровождаемая музыкой и пением под баян – так и осталась забавой и сегодняшних ребят. Обычно играли на школьных вечерах, когда мальчишки или девчонки могли выбрать в пару, кто им нравится, и пройти за руку по «ручейку». А оставшийся один продолжал игру, выбирая себе пару (старинная русская игра встречи весны).

Многие традиции и обычаи сохранились и в наши дни: праздник птиц, запускание корабликов по ручейкам, игра «Ручеек», качание на качелях стало повседневной забавой. Не сохранились определенные даты проведения встречи Весны, как было в старину. Многого забылось и не уделяется этому внимания, как было у наших предков.

Я рассказала ребятам об обычаях закличания весны в нашем селе, подготовила заклички, узнала рецепты выпечки жаворонков. На занятиях объединения «Твоя мастерская» мы слепили птичек. Наши птички изготовлены в народных традициях из теста, но не сладкого, а соленого. Соленое тесто – любимый материал детей нашего кружка. «Вкусные» игрушки – чудо птички, одеты в удмуртские наряды. Представили работу в виде панно «Встреча весны». Развесили своих птичек на забор – плетень и дерево, как это делали в старину ребяташки, играя и зазывая весну.

Теперь на переменах, во дворе мы можем поиграть в весенние народные игры. Заклички можно использовать даже в качестве считалочек.

«Каждый народ, как могучее дерево, силен своими корнями. Чем глубже его корни, тем больше знает народ свою историю и считается с его уроками, тем устойчивее чувствует он себя в современном мире и тем лучше удается ему сохранить свое своеобразие. Чем тоньше нити, связывающие народ с его историческим прошлым, тем легче теряет он свое лицо...»

«До тех пор, пока мы не научимся уважать и любить свои

традиции, язык своих предков, мы никогда не научимся уважать самих себя»- (Афанасьев А.Н. Древо жизни. Избранные статьи).

Наш долг – сохранить все ценное и достойное из народной культуры, его материального и духовного наследия.

Литература

1. Афанасьев А.Н. Древо жизни. Избранные статьи. М.: Современник, 1982.
2. Владыкина Т. Г., Глухова Г. А. Ар-год-берган: Обряды и праздники удмуртского календаря. Ижевск, 2011. (Удмуртская обрядовая азбука).
3. Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор: Проблемы жанровой эволюции и систематики.
4. Громыко М.М. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991.
5. Костанян Н.Н. Русская народная словесность. М.: Просвещение, 1994.
6. Климишин И.А. Календарь и хронология. М.: Наука, 1990.
7. Некрылова А.Ф. Круглый год. Русский земледельческий календарь. М.: Правда, 1989.
9. Степанов Н.П. Народные праздники на Святой Руси. М.: Российский паритет, 1992.

Интернет-ресурсы

1. <http://opentextnn.ru/museum/nn/aetnolog/?id=2270>
2. http://www.metodkabinet.eu/TemKollekzii/vesna_IgryMotorie.htm
3. <http://www.arira.ru/obryady-i-prazdniki-slavyan.htm>
4. <http://religion.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000001/index.shtml>

Весну закликаем.

Жаворонки прилетите,
Студёну зиму унесите,
Теплу весну принесите:
Зима нам надоела,
Весь хлеб у нас поела,
И соломку подобрала,
И мякинку подняла.
Уж вы, кулички - жаворонки,
Солетайтесь, сокликайтесь!

Пинал вазиськонъёс

Тулыс, пот, тулыс, пот,
Ачим мушко быдэа вёй нянь сёто.

Лоб, лоб, папие,
Лобзид ке – вёй нянь сёто,
Од ке лобзы – уг сёты.
Лобе, лобе, папаос!
Вае, вае тулысэз.
Келялэ кезыт – толэз.

Тулыслы вазиськонъёс но куриськонъёс

Гуждор куриськон

Остэ, Инмаре – Кылдысин! Зёч тулыстэ – гужемдэ – сйзылдэ ысты милем! Сйзыым котрескаен одйг кылысь-ымысь султйськом – пуксиськом. Зёч бускелен султйськом – пуксиськом.

*Боталова О.,
методист по возрождению народных традиций
и национальных культур
МБУК «Центр культуры и туризма Глазовского района»*

Проектный подход в работе сохранения и возрождения традиций народов, проживающих на территории Глазовского района

«Центр культуры и туризма Глазовского района» особое внимание уделяет проектной деятельности, направленной на сохранение и возрождение традиций народов, проживающих на территории Глазовского района. Проектная деятельность позволяет привлекать дополнительные финансовые ресурсы.

Так, в 2015 году был выигран грант на реализацию проекта **«Чупчигур – Чупчимоннары – Мелодии Чепцы»**. Проект получил финансовую поддержку Фонда Елены и Геннадия Тимченко в рамках конкурса проектов "Культурная мозаика малых городов и сел - 2015". Был создан Храм живого звука - мультимедийная инсталляция, включающая в себя музыкальные элементы, традиционные песни, напевы, звуки живой среды, интерактивные элементы, историко-этнографическую информацию, визуальные образы удмуртских, татарских, русских и бесермянских исторических традиций. Человека от рождения и до самой смерти сопровождает музыка: это и колыбельные песни, и звук детского свистка, свадебные мотивы, звуки рабочих инструментов. Провожают человека в последний путь погребальные причитания. Все эти этапы проходят посетители Храма живого звука. Главное, что посетители выступают не просто в роли зрителей, они участвуют в процессе.

С сентября 2015 по июнь 2016 годов был реализован медиа проект **«Асьмеос Донды выжкысь»/«Мы – наследники Донды»** при поддержке Министерства национальной политики УР. Цель проекта - популяризация удмуртского языка среди детей и молодежи Глазовского района, посредством изготовления и презентации детского сборника сказок и стихов "Выжкыл шыкыс"/"Сундучок сказок". Реализация всех мероприятий проекта была осуществлена специалистами МБУК «Центр культуры и туризма Глазовского района» совместно с МУК "Глазовская районная централизованная библиотечная система". Первым этапом в рамках проекта стал районный конкурс детских сказок и стихов «Выжкыл шыкыс».

Участниками конкурса выступили дети от 6 до 13 лет. Всего на конкурс было представлено 48 работ. В декабре 2015 г. выпущен сборник в электронном формате и размещен в группе «Центр КиТ» ВКонтакте, а также распечатан в количестве 40 экз. В декабре 2015 года велась работа над постановкой театрализованного представления с использованием кукольного театра, по мотивам легенд о Донды батыре и его сыновьях.

Проект **Молодежный межнациональный марафон «Сокровище наций»**-приобщение молодежи к традициям народов через игру. Основные мероприятия, этапы проекта: 1) летняя этнофольклорная экспедиция по деревням Глазовского района в июле 2015 года с целью исследования традиционного игрового фольклора: взрослых и детских игр, загадок, считалок и др. Маршрут экспедиции: д.Самки, д. Тат.Парзи, д. Отогурт и близлежащие к ним деревни Глазовского района, в которых проживают разные национальности. Итог экспедиции: составление сборника народных игр и забав Глазовского района "В каждой избушке свои игрушки". 2) Молодежная межнациональная сейф-игра «Сокровище наций». Сейф-игра - комплекс заданий для команд, которые связаны с традициями Глазовского района. По итогам выполнения заданий, команды получали части сборника народных игр и забав Глазовского района "В каждой избушке свои игрушки". В результате всех испытаний, участникам предстояло объединить все части сборника и вложить вместе с диском, на котором записан фильм «Многоликий Глазовский район». Сейф был зарыт участниками игры в определенном месте и предполагается его вскрытие в 2025 году.

Проект **«Культурно-туристический парк «ДондыДор»**-победитель конкурса «Культурная мозаика: партнерская сеть» организованный Благотворительным фондом Елены и Геннадия Тимченко. Срок реализации проекта – 2016-2018 года. Одной из задач проекта является популяризация среди населения легенд об удмуртских батырах эпохи средневековья. По итогам первого года реализации проекта, создания культурно-туристического парка «ДондыДор», проведен цикл мероприятий научного и развлекательного характера. Второй год на территории КТП проходит Открытый районный конкурс «В поисках Донды-батыра». Победитель-батыр- получил почетное право представлять Глазовский район на республиканских мероприятиях в образе легендарного прародителя удмуртского народа. В рамках проекта в сентябре 2017г на площадке будущего культурно-туристического парка «ДондыДор» в д. Адам впервые состоялся огненный фестиваль «Тылотолэзь/«Огненная луна».

В программе фестиваля: торжественное открытие, конкурс женской красоты "Огненная луна", рок-концерт, фаер-шоу. С октября 2017г. в Адамском ЦСДК открылся краеведческий клуб «ДондыДор: старина и современность» (любительское объединение). Первое занятие прошло в форме краеведческого вечера "Мифы, легенды и сказки ДондыДора". В рамках информационной поддержки проекта «ДондыДор», районная библиотека объявила районный творческий конкурс «ДондыДор – родина удмуртских батыров». Поступило более 120 работ: стихи о природе родного края, легенды, мифы собственного сочинения, рисунки по мифам и сказкам удмуртского народа. Итогом конкурса стал сборник «ДондыДор батырьес».

Проект возрождения родовых истоков удмуртов «Воршуды ДондыДора» Глазовской общественной организации «Краеведческий клуб г. Глазова» в 2017 году стал победителем II конкурса грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества. МУК «Центр культуры и туризма» выступило со-организатором. Главной идеей проекта является возрождение понятия воршуд (дух - покровитель рода/род) и выявление его многообразия, уникальность родовых традиций, обрядов, форм хозяйствования, даже диалектов каждого воршуда.

Порядок проекта: поиск и сбор научной информации по воршудам удмуртского народа, средневековому ремеслу финно-угров. Все научные материалы представлены на **научно-практической конференции «Моя малая родина: воршуды ДондыДора»**.

В процессе подготовки находятся **Межрегиональный фестиваль-конкурс песенной культуры удмуртов «Пестросаес»** (23-24 июня 2018г.), тематика фестиваля «Чушконлэнданэз»/Значение полотенца в жизни удмуртского народа; **I Республиканский фестиваль лэнд-арта «Легенды ДондыДора»** (20-24 июня 2018 г.), в котором предполагается создание экологических инсталляций и конструкций, показывающих взаимосвязь человека и природы, сохраняя ее целостность и естественную красоту. Арт-объекты будут созданы по легендам Дондинского круга. Итогом фестиваля станет презентация мастерами-художниками 15 арт-объектов и определение лучших из них. Итогом всех этапов станет **Всеудмуртский Сход представителей воршудов**, который состоится 25 августа 2018 года на территории культурно-туристического парка «ДондыДор» д. Адам Глазовского района. В программу схода войдут: визитки воршудов, чтение общественных молитв, театрализованное представление о воршудах, проведение мастер-классов по средневековым финно-угорским ремеслам.

В 2018 году специалистами Кочишевского ЦСДК разработан проект **«Фестиваль традиций»** - этнографическая работа по изучению и сохранению этнокультурных традиций населения, проживающего на территории МО «Ураковское» Глазовского района. Проект «Фестиваль традиций» стал победителем Всероссийского конкурса молодежных проектов и получил грантовую поддержку. 14 марта 2018 года проект стартовал. В рамках фестиваля проведена первая этно-гостиная по обряду крещения ребенка. Зрители смогли окунуться в атмосферу таинства обряда крещения русских, удмуртов, бесермян и татар. Четыре обряда показаны участниками творческих коллективов деревень Кочишево, Пусошур и Отогурт.

Возрождение и продвижение традиционной культуры, несомненно, должны проходить комплексно. Благодаря проектной деятельности, мероприятия вытекают один из другого, popularизируя, укрепляя знания, представления о традиционной культуре, способствуя более четкому формулированию целей, повышая качество услуг.

СОДЕРЖАНИЕ

1	Введение	1
2	Волкова Л. А. Историография темы «воршуд» в удмуртологии	3
3	Слесарева М.Т. Ушедшие вверх по реке...	8
4	Поздеева Т. К. «Пусы» – воршудные знаки моих предков	10
5	Дёмин А.С. Город Глазов по писцовым книгам XVII века: к вопросу о возрасте города	13
6	Баженова А.В. История потерянного воршуда Чага	16
7	Наумова В.Е. Следы удмуртских воршудов в окрестностях деревни Озёрки Ярского района	21
8	Кондратьев О.А. Христианство и язычество. Борьба религий на примере Балезинского района	26
9	Бердова А.Б. Семейно-родовые имена д. Золотарево	33
10	Кашина Н.Г. История родного края в родословной моей семьи	37
11	Антонова И.Б. Крень юон дырлэн радыз	45
12	Корепанов А.Л. Герои произведений Кедр Митрея, как носители традиционной удмуртской культуры	46
13	Иванов А.И. Секреты кезской прялки	51
14	Бутолин П.В. По следу медицинской пиявки.	54
15	Белоусов Н. Вышивка удмуртов	57
16	Главатских К. Ювелирное искусство Удмуртии	60
17	Соколов А., Шикалова Т.В. Отображение истории Удмуртии в произведениях изобразительного искусства	67
18	Бегенеева Е.Р. Музей - хранитель духовной и материальной культуры своего народа	73
19	Юферева Е. Эх, лапти, вы, лапти мои	78
20	Корепанова В. Встреча весны в обычаях и традициях моего народа	89
21	Боталова О.В. Проектный подход в работе сохранения и возрождения традиций народов, проживающих на территории Глазовского района	91

Редакционная коллегия:

Составитель - Перминова З.П.

Компьютерная верстка - Ворончихина А.Н.

Художественное оформление - Кооль И.А.

Материалы научно-практической конференции

«Моя малая родина: воршуды ДондыДора»

Сборник

Отпечатано в ООО «Центр-сервис»
427620, Россия, Удмуртская Республика, г. Глазов, ул. Белова, д.4
Телефон: 8(34141) 9-10-71
Факс: 8(34141) 5-47-90
e-mail: centr-serv@udm.net
e-mail: ooo.c-s@yandex.ru
<http://www.ooocs.ru>
Тираж 50 экз.